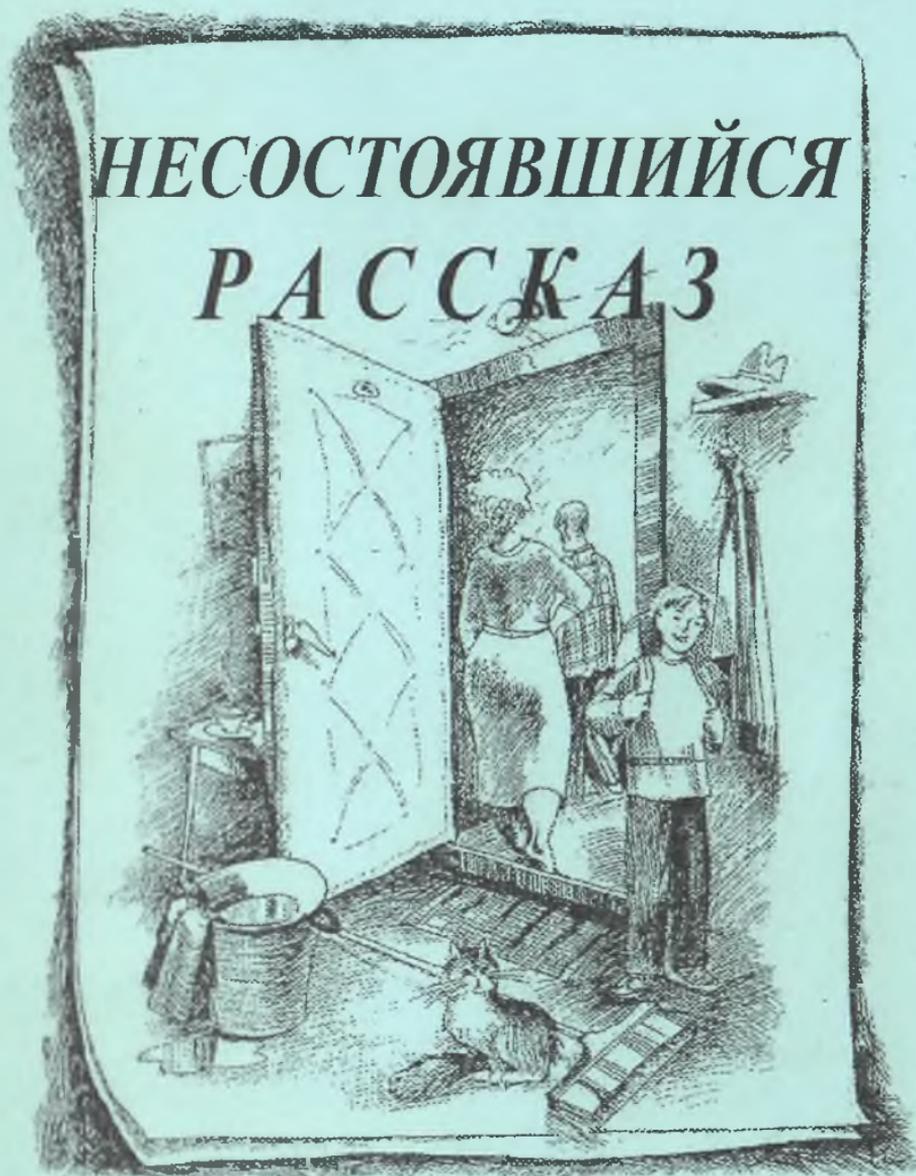

к 1366023

Марина Гусева

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
РАССКАЗ

Марина Гусева

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
РАССКАЗ**

Вологда-Кадуй
2004

К 1366023

Марина Гусева

Родилась в деревне Ливлево Белозерского района Вологодской области, закончила педагогический институт. Живет и работает в п. Кадуй Вологодской области. Председатель литературного объединения «Семизерье» при районной библиотеке. Любит Достоевского, Бунина, Ефремова, Морье. Считает, что в каждой эпохе обязательно есть личности, творчество которых вызывает глубокие раздумья.

М. Гусева публиковалась в районной газете «Новое время», областной газете «Красный Север»-«Зеркало», «Вологжане улыбаются», всероссийском журнале «Веселые картинки», в журналах «Мезон» и «Автограф» (Вологда), альманахах «Семизерье» (Кадуй), «Ижорские берега» (Санкт-Петербург). Марина пробует себя в жанре прозы, сочиняет стихи и истории для детей.

«Несостоявшийся рассказ» - первая книга способного и серьезного литератора. Это тайны детской психологии, хитросплетения судеб, опущение важных этических норм

*Рассказы
бытовые*

Несостоявшийся рассказ

Господи, да это же рай! Я задыхаюсь от счастья. Солнечный луч ласкает мою щеку. Песок – мягкий, как шелк. Легкая волна лижет ноги. И покой. Абсолютный, желанный покой.

Я открываю глаза. Рай исчезает. В реальности обрисовывается моя спальня и прыгающий на тумбочке будильник. Как не хочется вставать. Долго плещусь в ванной, пытаюсь разогнать сон. Бреду на кухню: завтрак – мужу, завтрак – старшему сыну. Пока, мальчики! Один – на работу, второй – в школу. Заглядываю в детскую. Младшенький смотрит на меня сонными глазками.

– Доброе утро! – радуюсь я. – Пора вставать.

– Я еще не проснулся, – сообщает он и пытается скрыться под одеялом.

Насчет «не проснулся» я выражаю сомнения.

– А хоть и проснулся, все равно не хочу идти в садик.

Но идти надо. Сдаю хныкающего сынка воспитательнице и – домой. В моих планах сегодня работа над маленьким рассказом.

Мысленно прогоняю сюжет, раскладываю на столе бумагу. Иду на кухню, ставлю чайник. Звонок жизнерадостно сообщает о визите.

– «Кто ходит в гости по утрам, – напеваю я, – тот поступает мудро...»

За дверью стоит Ольга, соседка со второго этажа.

– Ты только глянь, Любаша, – возбужденно сообщает она, – какой фасончик! – И сует мне раскрытый журнал.

Впечатление такое, что сейчас она забьется в истерику, и я осторожно замечаю, что фасончик ничего себе, а сама думаю, что с ее габаритами это будет чересчур. Но Ольга не боится перебрать. Она оптимистка. А если и боится в этой жизни чего-нибудь, так это не добрать. Ее взгляд скользнул по комнате и, не найдя ничего достойного внимания, возвратился к журналу мод. Я деликатно пытаюсь вбить в ее кудрявую голову мысль о неэстетичности мини-юбки в сорокапятилетнем возрасте. Тщетно. Вздыхаю и веду Ольгу на кухню, пить чай. Слушаю молча. Киваю, где надо. Мысленно воздаю благодарность судьбе, когда соседка вспоминает о необходимости посетить магазин. Закрываю дверь, облегченно вздыхаю. Ольга из тех людей, которым совершенно наплевать на чужие дела и проблемы. Наливаю себе кофе. Иду к столу. Беру карандаш, сосредоточиваюсь. Звонок взвыл, как сирена «скорой помощи». На пороге обрисовался шуплый силуэт Гоши, соседа с первого этажа.

– Привет, – буркнул он и протиснулся между мной и стеной в квартиру.

Что-то не припомню, чтобы я его приглашала. И потому поворачиваясь, не закрывая входную дверь, жду объяснений, которые, впрочем, несложно предугадать. Пробил тот роковой час, когда солидная, во всех отношениях, половина Гоши опять выставила его за дверь.

Не могу больше видеть эту шалаву, – подтверждает мой догадки Гоша

– Милые бранятся – только тешатся, – пытаюсь устраниваться я.

– Да пошла она... – морщится Гоша, не обращая внимания, что я все еще стою у незакрытой двери. – Я отсижусь у тебя, – сообщает он и шлепает босыми ногами в комнату.

«Ноги не вытер», – отмечаю машинально, захлопывая дверь.

– Сиди тихо, – предупреждаю его. – Мне некогда.

Гоша уже устроился в кресле с выражением отдыхающего кота на лице, предварительно включив телевизор.

«Сейчас замурлычет», – думаю я, убавляя звук. Гоша воспринимает мои действия, как приглашение к разговору.

– Представляешь... – начинает он.

– Я занята, – напоминаю я и мчусь в детскую.

Вдогонку летят Гошины жалобы. Нет, я не поддамся на провокации. Пытаюсь сосредоточиться. Мне это почти удается, когда звонок снова отрывает меня от стула.

– Меня нет, – шипит из-за приоткрытой двери Гоша.

Я вижу страх на его лице.

Людмила влетает, запыхавшись, и заставляет отступить меня назад.

– Привет, – роняет она, стрельнув глазами на закрытую дверь.

Я представляю, как Гоша, смертельно раненый, падает на ковер.

– Заходил? – спрашивает Людмила.

Моя голова предательски дергается в сторону комнаты. Людмила вваливается туда, заслоняя собой проем.

– Че приперся? – рычит и сама же отвечает на свой вопрос. – Людям мешать? Иди домой! – следует приказ.

Я невольно прислушиваюсь: что-то слишком долго не реагирует Гоша. Но вот, наконец, его голос:

– Не пойду.

– Пойдешь, – с мстительной нежностью уверяет супруга.

– Не-а, – упирается Гоша, но вслед за своими словами появляется в коридоре, подталкиваемый руководящей рукой жены.

– Отстань! – ершится он. Увы, весовые категории неравны. – Опять бить будешь, – хнычет Гоша, взывая к моему заступничеству. И напрасно, я уже отошла на безопасное расстояние.

– Не буду, – отрезает Людмила.

Что не очень убеждает ее мужа. Гоша пытается застрять в открытой двери и с шумом вылетает на площадку. Выходя, Людмила оборачивается:

– Ты, извини, а?

– Да ладно, – машу я рукой, – ты там полегче, зашибешь еще, – советую вдогонку.

– Давно убить надо гада! – Она хлопает дверью.

Я вздыхаю. Ей-богу, как дети малые, десять лет живут, а все не нашалились.

Сажусь за стол, отхлебываю остывший кофе. Пытаюсь сосредоточиться. В прихожей издевательски хохочет звонок. Кого там черт принес!?

Наткнувшись на мой недовольный взгляд, дядя Паша, сосед с пятого, располагаясь улыбается и, тоже напирая, втискивается в прихожую. – Здрассте. – Глаза его шарят по закрытым в комнаты дверям. Голос падает до шепота. Дядя Паша с заговорщическим видом приступает к разрешению своих проблем. – Любушка, деньгами не богата?

– Нет, – отрезаю я.

– Мне немножечко и ненадолочко...

– На сколько?

– На недельку – радуется дядя Паша и потирает руки, предвкушая.

Я вздыхаю и несу кошелек.

– Десять, – подсказывает дядя Паша.

– У меня только пять, – торгуюсь я.

– Хорошо, хорошо. Я верну, Любушка, – кивает он, явно довольный успешным торгом. – Обязательно верну, как договорились.

«Вернуть вернешь, вопрос только - когда», – вздыхаю я, закрывая дверь. И представляю, как дядя Паша семенит, по дороге оценивая каждую проходящую мимо женщину.

– Они на меня заглядываются, – убеждал он меня как-то.

Но я думаю, что женщины просто решают, сколько раз надо наткнуться воздушному шару на дядю Пашу, чтобы лопнуть. Иду на кухню и выливаю остывший кофе в раковину. Ставлю чайник. Пытаюсь сосредоточиться. На лестнице топот ног. О, эта слышимость! Если снова ко мне – не открою. Топот заканчивается у соседней двери. Я облегченно вздыхаю, наливаю себе кофе, иду к разложенным бумагам. Пытаюсь работать. Шум на лестничной площадке возрастает. Смутное бормотание и невнятное восклицание, и я начинаю догадываться в чем дело. Только не это! Но судьба решает иначе, и по подъезду разлетаются отборные выражения, повторить которые не решился бы и наш горький пьяница Жорик с четвертого этажа. Хуже всего, что адресованы они мне, хотя, если быть точной, не совсем мне, а моему коту Гришке, в данный момент мирно спящему у батареи. Кто знает, не он ли, мой пушистик, в недавнем прошлом нанес визит к соседнему коврику. И не в его ли визитную карточку вляпался сейчас жилец этой квартиры. Я готовлю ведро с тряпкой и жду, когда наступит тишина. «Уберу, все уберу, только уходи!» – мысленно посылаю я импульсы разъяренному соседу. Вообще в нашем подъезде, кроме моего Гришки, еще восемь котят. Но сосед ополчился именно на моего, а заодно и на всех моих родных до седьмого колена. Все, сил нет слушать. Сажусь к столу, беру карандаш.

«Я с соседом поругалась в сотый раз.

Обсудил коту он выбить левый глаз.

Невзлюбил он мое «мяу» – просто жуть,

И удары принимает кот на грудь.

Кот ревет, я возмущаюсь, как тут быть.

Как пушистика с соседом примирить.

Все решилось. На соседа столб упал.

Мой Мур-мяу от восторга два часа орал».

Перечитываю свой телепатический ответ соседу. Какой бред дошла до рифмования в стиле «баба в мыле». Брошенный листок отлетает в мусор. Я, исполненная решимости, мчусь к двери.

– Заткнись, наконец!

Наступает тишина, хлопает дверь. Я иду убирать. Все, если еще кто-нибудь меня побеспокоит, я спущу его с лестницы. Но угрозе не суждено сбыться. Звонок призывно хрюкает, и в квартиру вваливается мой старший сын, распираемый радостью.

– У нас сегодня четыре урока! – сообщает он.

Я плетусь в детскую, собираю разложенные листы. Следом за сыном придет на обед муж, затем настанет время забирать младшего из садика. И, как по накатанной дорожке: ужин, уроки, сон. Я закрываю глаза и представляю, как поздно вечером юркну под одеяло и попрошу Создателя ниспослать мне мой райский остров, где Покой и Абсолютная тишина...

– Мам, есть хочу, – басит из кухни сынок, вырывая меня из мира грез.

Я вздыхаю и иду.

Весна

Долго стою в нерешительности перед зеркалом, пытаюсь определить услугами какой помады сегодня воспользоваться, чтобы ученики смотрели мне в рот. Выбираю ярко-красную, тем болес, что она гармонирует с цветом моих туфель.

Последний штрих на лицо, нервный взгляд на часы, и я несусь, прижимая к боку огромную, похожую на хозяйственную, сумку с тетрадьми.

Пролетаю по школьному коридору, отмечая на ходу кучу мелочей: Потапов не поздоровался, Климов опять без сменной обуви.

В спину несется вялос: «Здрасте», – посредственных учеников. Лицо овекает жизнерадостное: «З-здравствуйте», – хорошистов.

Звонок настигает меня на пороге учительской. Одной рукой хватаю журнал, другой поправляю волосы. Коридор почти опустел.

Из-за полуоткрытой двери с табличкой «Кабинет русского языка и литературы» выглядывает лукавое лицо пятиклассника Смирнова и тут же исчезает, слышится шипение, возня, глухие возгласы и предостерегающее: «Агас, Барыня идет!»

Фыркаю: дали мне кличку. Впрочем, если подумать, не такую и обидную. К примеру, одна моя коллега прозвана оболтусами нашей школы – Плоскостью, вероятно, за чисто внешние данные. Если бы они познакомились с ее внутренним миром, то убедились бы, что в нем множество сучков и задоринок, а значит и кличка не соответствует образу.

Беглый взгляд по классу, так и есть: большинство учеников еще досыпает. Пытаюсь привести своих пятиклашек в рабочее состояние.

– Здравствуйте, садитесь пожалуйста. Иванов, не крутись. Митько, сколько раз повторять: готовиться к уроку нужно до того, как прозвонит звонок. Прежде, чем приступим к проверке домашнего задания, мне хотелось бы обратить ваше внимание на дикцию – ваше умение четко и правильно произносить слова. Иванов, это касается всех и тебя тоже. Итак, дикция. Вслушайтесь в то, как вы говорите: «Здравствуйте». В лучшем случае это звучит как: «Здрате». В худшем, как «Здра-ав».

По классу пробежала легкая волна. Продолжаю, понизив голос:

– У взрослого человека такое приветствие вызывает недоумение. Как это понимать? То ли ученик хотел поздороваться, то ли облаял?

Взрыв смеха извещает меня о том, что класс проснулся. Можно работать.

На перемене в поисках тишины я устремляюсь в учительскую. На лицах коллег хроническая усталость и обреченность, обычное состояние в конце учебного года. Раздраженная Анна Сергеевна надрывно повествует о визите родительницы ученика Седова. Ее крикливый голос назойливо лезет в уши. С досадой думаю о том, как часто мы в угоду собственным амбициям вместо того, чтобы сотрудничать с заинтересованными лицами на благо учебного процесса, выходим на поле брани, и ведем изнурительную войну с учениками и их родителями.

Звонок отрывает нас от стульев. Меня ожидает девятый класс и боль в горле после спаренных уроков. Моих старшеклассников мало волнует образ Евгения Онсгина, жившего, бог знает как давно. Большой интерес у них вызывает стрелка на моем чулке, неизвестно когда успевшая появиться. Использую конспектирование, в надежде привлечь внимание детей к теме урока. Привлечь удастся не всех. Отмечаю, что троечник Максев далек не только от темы урока, но и от местонахождения. Скопив глаза на вторую парту третьего ряда, он пожирает глазами белокурую Леночку Медведеву. Отмечаю и вздыхаю. Еще только начало марта, а уже налицо первые признаки весеннего заболевания. Три раза повторяю домашнее задание, бдительно следя, чтобы оно было записано в дневники.

На большой перемене иду в столовую, придерживаюсь тропы у правой стены и все равно постоянно рискую быть сбитой ошалевшими от радости учениками.

Долго жую безвкусную булочку, запиваю ее остывшим чаем. Мычу и киваю, поддерживая тем самым одностороннее излияние обиды Верой Николаевной, раздосадованной десятым классом. Последний напрочь забыл свои обязанности в школе. Вздыхаю. Весна.

Звонок. В считанные минуты школа успокаивается. Учителя ведут уроки, ученики получают знания. У меня «окно». За эти сорок минут я должна заглянуть в библиотеку, убедиться в наличии текстов «Доктор Живаго» Пастернака, необходимых для нашего общения с десятым классом. И за эти сорок минут нужно выяснить отношения с завучем, в который раз пытаясь убедить его в нецелесообразности шестых уроков русского языка.

Оспиртованный коридор смотрит на меня проемами больших окон. Я останавливаюсь на миг и невольно зажмуриваюсь. Солнечный луч нежно трется о щеку. Я тихо смеюсь. ВЕСНА!

Щенок

– Тетенька, вам щенок не нужен? Вы только посмотрите, какой! Он верный, охранять вас будет.

– Нет, мальчик. У меня есть собака.

– Он верный...

– Ну-ну, что это ты расплакался. Перестань. Хочешь, я посмотрю твоего щенка? Иди сюда малыш. Покажись! Ах, какие мы толстенькие, симпатичные. Ой, он и кусаться уже умеет!

– Он хороший...

– Хороший, конечно, хороший и совсем маленький. Сколько ему? Наверное, не больше месяца. Замерз, бедняжка. Спрячь его под куртку. Где ты его взял?

– Мне его Павлик подарил. А мама велела обратно отнести... А Павлик не берет... Тетенька, куда ему теперь? Он маленький, замерзнет...

– Ну вот, опять заплакал. Перестань, на улице и так слякоть. Да и слезами горю не поможешь. Тут надо подумать... Значит, мама не разрешила взять щенка... Может, мне поговорить с ней?

– Правда?!

– А что? Вместе мы сможем ее убедить. Ты где живешь?

– Здесь недалеко, пойдемте. Вы только не подумайте, мама у меня добрая. А сегодня устала, наверное, потому и рассердилась... Я хотел папу попросить, чтобы он уговорил ее. Ждал его, ждал. Уже темно, а он не идет. Я и пошел на остановку.

– Здравствуйте, извините, это ваш мальчик?

– Да. А что случилось? Дима, что ты опять натворил?

– Нет-нет, вы меня не поняли, он...

– Что у тебя под курткой? Покажи. Ты принес его обратно? Почему ты принес щенка обратно? Я тебя спрашиваю!

– Мам, не надо! Мама!

– Успокойтесь, прошу вас. Он ничего не натворил. Вы знаете, Дима очень добрый...

– Не натворил, говорите? Да что это я, у порога вас держу, вы проходите, пожалуйста, проходите.

– Не беспокойтесь, я на минуточку.

– Да что вы, какое беспокойство. Вот сюда, пожалуйста, на кухню. А ты иди в комнату, сорванец, мы с тобой потом поговорим.

Дима у меня послушный. Но сегодня я извелась вся – ушел засветло, на дворе уже темно, а его все нет. Сами понимаете, какое сейчас время, ни о чем хорошем и не подумаешь. Может, чайку?

– Нет-нет, спасибо. Я ненадолго. Дело в том, что Дима подошел ко мне на остановке, заплакал, сказал, что вы ему не разрешили взять щенка, велели вернуть, а там обратно не берут. Домой он идти побоялся. Отца ждал, а потом... Что с вами?

- Папку ждал... А папка... папка нас бросил...
- Возьмите, выпейте воды. Какое несчастье. Даже не знаю, что сказать...
- Что тут скажешь, десять лет прожили, можно сказать, душа в душу, и пожалуйста, нашел себе... Наверное, лучше...
- Может, обойдется. Бывает, знаете, погуляет и в семью вернется.
- Если бы вернулся! Я бы ему все простила... Ради сына. Он отца очень любит. Как я ему теперь скажу, что папка его нас бросил? Вот посмотрите на фотографию – вылитый отец!
- Это... ваш муж?!
- Да, он. Десять лет вместе...
- Господи...
- Разве могла я когда-нибудь подумать...
- Душно...
- Что с вами?! Как вы бледны. Попейте водички. Ну, как вы?
- Спасибо.
- Что-что, а протапливают у нас на совесть.
- Вы меня извините, мне пора, поздно уже, дома ждут.
- Ну, что вы. Это вы нас извините. Дима, иди попрощайся! Что? Ах, да, щенок. Бог с ним, пусть остается. Куда его теперь денешь, живой ведь...
- Мамочка! Спасибо, мамочка! Я же говорил, что она добрая. Бим, Бим, иди сюда, мой хороший, нам разрешили. Ты остаешься!

- Вот и ты, наконец! Я уже думал – случилось что. Где ты была так долго? Я ужин два раза разогревал... Что ты делаешь?
- Собираю твои вещи.
- Мои вещи? Зачем? Иди ко мне.
- Не трогай меня!
- Да сядь ты, наконец! Что случилось! Какая муха тебя укусила? Что я сделал не так?
- Это я все сделала не так.
- Объясни ты, наконец, что происходит?
- Ты возвращаешься к жене и сыну. Я так решила.
- Ты? Решила? Да ты что, смеешься надо мной?
- Прошу тебя, давай обойдемся без сцен. Просто расстанемся по-хорошему. Вот твой чемодан. Если что забыла, завтра занесу на работу.
- Никуда я не пойду, пока ты не объяснишь мне, что произошло.
- И не подумаю! Считаю, что я разлюбила тебя. Встретила другого, которого...
- Разлюбила?! Какой я был идиот, не понял, с кем связался...
- Все! Прощай!
- А я тебя...
- Не надо! Уходи! Убирайся! И не смей возвращаться! Слышишь, никогда! И не хлопай так дверью! Не казенная...
- Господи, как я теперь... без него?

Еще один день

Мерцающая слабым светом, горит свеча. В избе полумрак. Перед потемневшей иконой стоят на коленях двое: белая как лунь старуха, и девочка лет шести. Глаза их устремлены на лик Богоматери: выцветшие, как выгоревший на солнце ситец – старческие, яркие, как василек – детские. В тишине звучит молитва. Девочка повторяет, не понимая слов, тщетно пытается побороть дремоту. Спать. Как хочется спать! Она трет кулаками глаза и до слез вглядывается в Образ. Глаза Богоматери становятся все больше, пока не растворяют в себе весь мир. Девочку качивает волна монотонного старухиного бормотания.

– ...К тебе, пречистой Божьей Матери аз окаянный, припадая, молюся...

Нарастающий шум вырвал Татьяну из сновидения. Она села на кровати. Заученным движением нашла будильник. Дотошный звон захлебнулся. Новый день вступил в свои права. День как день – хмурый и неприветливый, как большинство дней ноября. Осень устала примерять то пурпурные, то золотые наряды, накинула на себя балахон из пожухшей листвы и тяжелыми шагами влачитсЯ изо дня в день, все ожидает прихода молодухи зимы.

– И в такую слякоть угораздило нас пойти в больницу, – досадовала Татьяна, с отвращением вытаскивая ноги из расползающейся глиняной каши. Сзади слабо, но с завидным постоянством, поскрипывал недовольный малыш.

Сыну Татьяны чуть больше пяти. Мальчик он болезненный, избалованный и зовется Котькой. Его, обладателя голубых глаз и длинных ресниц, часто путают с девочкой, на что Котька реагирует бурными истериками. Капризничает он профессионально. Прежде, чем завопить, убеждается, что выбранное им место удобно для падения. Если нет, Котька аккуратно ложится и только потом начинает вопить и топтать ногами. Действует безотказно, почти сразу появляется все, что он желает.

Плетясь за матерью, как на привязи, Котька подумывал об очередном падении и протяжно канючил.

– Не хочу в больницу. Ма! Не хочу, ма-ма!

– Надо идти, – монотонно убеждает его Татьяна, – доктор нас ждет.

– Иди сама, – попробовал устроиться Котька.

– Он ждет тебя, а не меня, – отрезала Татьяна. – Не я, а ты болел почти две недели. Теперь доктор хочет убедиться, что ты здоров. Он послушает тебя, посмотрит горлышко и даст справку в детский сад.

– Не хочу в детский сад. Ма! Не хочу!

– Да иди ты скорей, Господи!

Сегодня его выписывали. Стоя у окна, он вглядывался в морозящий серый день и ждал. Проходящие мимо сердобольные санитарки сокрушенно вздыхали, глядя на хрупкую фигуру мальчика, жалели сиротинку и ласково называли Виталькой. После обеда придет воспитательница, соберет его вещи. Они пойдут по грязной улице в их детский дом. Но и там он будет ждать.

– Виталька, к тебе пришли, – крикнула молоденькая медсестра. – Какая-то незнакомая тетенька и мальчик.

... К нему пришли! Наконец-то, дождался! Вприпрыжку одолел длинный больничный коридор. Бесконечно длинный. Дверь. За ней стоит женщина с мальчиком. Она улыбается ему, Витальке!

– Здравствуй! Ты Виталик?

– Мама! – задохнулся он в радостном возбуждении.

Котька испуганно схватил Татьяну за руку:

– Это моя мама!

На лицо женщины легла тень. Часто моргая, она заговорила срывающимся до шепота голосом.

– Виталик ... мы с Котей проведать тебя пришли ... Нам тетя Маша сказала, что ты заболел и лежишь в больнице ...

Татьяна увидела, как в глазах мальчика погасла радость. Лицо посерело, когда с него исчезла улыбка, стало строже.

Сама Татьяна говорила и говорила, пытаясь сгладить неловкость. Небольшой пакет, который они с сыном собрали, положив туда то, из чего Котька вырос, теперь оттягивал ей руку.

– Мы гостинец тебе небольшой принесли. Яблоки здесь, одежда и игрушки ... – сустилась Татьяна – Ты посмотри, что там ... Если самому не пригодится, отдай ребятам ... друзьям. Есть у тебя друзья?

– Я пойду, – вырвалось у Виталика. Он испуганно посмотрел на Татьяну.
– Можно?

В наступившей тишине, она едва расслышала свой голос:

– Да, конечно, иди ... – И совсем тихо, почти шепотом, добавила:

– До свидания.

Виталик не услышал. Он шел к своему окну. Татьяна смотрела на хрупкую фигурку, не обращая внимания на хныкающего сына, и мысленно просила Виталика оглянуться. Но он не оглянулся, дошел до окна и замер.

Татьяна мчалась домой, лицо ее горело. Котька начал было канючить, она подхватила его на руки, и он, довольный, засопел. Причин плакать теперь не было, к тому же Котька был рад, что они ушли из больницы, где доктор долго разглядывал его горло, где чужой мальчик назвал его маму своей.

– Мама.

– Что, сынок? – откликнулась Татьяна все еще дрожащим от волнения голосом.

Котька уловил волнение матери, он заколебался, но любопытство оказалось сильнее.

– А где мама этого мальчика?

Видишь ли, сынок, у него нет мамы. Так получилось, понимаешь?

– Нет, – мотнул головой Котька, отказываясь верить в услышанное. – Мамы есть у всех.

К вечеру выпал снег. На втором этаже, у окна большого освещенного дома, стоял мальчик. Как и в больнице, он неотрывно смотрел на дорогу. Снег падал, искрсясь на свету, и покрывал черную застывшую землю тонким белым покрывалом. Луна, выйдя из-за тучи, заглянула в детское лицо. Виталька ждал. Он с надеждой смотрел на калитку, на уходящую в темноту ночи дорогу. Он знал, что мама придет. Она не может не придти. Она так нужна ему.

Котька весь вечер отбирал игрушки и складывал в пакет. Вслед за машинкой и книжкой с оторванной обложкой, он положил и деревянного солдатика, купленного в результате очередного каприза, и розового мишку с оторванным ухом. Немного помедлив, Котька добавил свой любимый пистолет с резной ручкой. Пусть играет этот мальчик из больницы, ему, Котьке, нисколько не жалко, у него еще много игрушек осталось. Только пусть больше не называет его, Котькину маму, своей.

Вечером, когда Татьяна закончила мыть посуду, взгляд ее невольно задержался на окне. Наконец-то выпал снег. Глядя на плавно летящие снежинки, она подумала о Витальке. И не удивилась, когда поймала себя на желании снова увидеть мальчика. А потом, может быть ... А почему бы и нет? Виталик ждет маму, он верит ... Татьяна украдкой взглянула на мужа, расслабившегося у телевизора. Она почти заснула, когда в тишине раздалось шлепанье босых ног.

— Ма! Ма-ма.

— Что случилось, сынок? — встрепенулась Татьяна, вглядываясь в темный проем двери. Увидела силуэт сына в свете тускло пробивающегося луча, протянула к нему руки. Почувствовав тепло материнских рук, Котька осмелел.

— Мама, ты меня любишь?

— Конечно, глупенький. Очень люблю, — нежно заворковала Татьяна, прижимая к себе сына.

— И никогда, никогда не бросишь? — продолжал выяснять Котька.

— Господи, — всхлинула Татьяна, — что ты говоришь?

Котька успокоился, он обхватил мать руками за шею:

— Я теперь всегда буду хорошим, — пообещал он и задремал.

Татьяна гладила взъерошенные волосы сына и беззвучно плакала. Она вспомнила. В деревенской избе мерцала свеча, отбрасывая длинные тени на Образ. Глазами вечности смотрела Богородица. И Татьяна, маленькая девочка, повторяла вслед за бабушкой слова молитвы. Вспомнила, и в тишину ночи полился тихий голос, растворяясь в каждом слове:

— ... И ныне: Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющейся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского...

Кукушонок

Весна окончательно утвердилась, заявив о себе на редкость теплым, солнечным днем. Разнося долгожданную весть, ошалело чирикают воробьи: «Весна пришла! Весна!»

Санька радостно улыбается: солнцу и прохожим, воробьям и машинам, деревьям и домам.

Он едет к маме.

Прежде Санька жил в деревне, у тети Гали, в ее большой многолетней семье. И жил, между прочим, неплохо. Хоть и носил одежду с чужого плеча, то есть с плеча брата Жоры, но игрушки имел свои, личные. Частенько его, как самого младшего, баловали сладостями. Когда взгрустнется, а случалось и такое, Санька мог забраться на колени к тете Гале, или поплакаться в складках ее необъятной юбки. Она всегда жалела и утешала его. Впрочем, за помощью Санька чаще обращался к Жоре, младшему сыну тети Гали. Ведь это он подрался с Сережкой за то, что тот назвал Саньку кукушонком. Это он вырезал и подарил Саньке настоящий парусник. Наконец, именно Жора показал, как запустить воздушного змея. Санька гордился Жорой и звал его братом. Только никак не мог понять и часто думал об этом, лежа в постели: если Жора его брат, то почему тетя Галя – тетя, а не мама? Он спрашивал, взрослые отшучивались. А брат сказал, что это тайна, которую откроют ему, когда он подрастет. Санька тайны любил и был горд, что у него теперь есть своя тайна.

Однажды вечером к ним пришел высокий, темноволосый дядька. Увидев Саньку, он присел на корточки и протянул руку, помедлил и неуверенно улыбнулся.

– Здравствуй, сынок. Как ты вырос!

Санька любил, когда к нему вот так, по-взрослому обращались. Но этот дядька ему сразу не понравился. Санька увернулся и спрятался за спиной тети Гали. Она обняла гостя.

– Кто к нам приехал! Братец, дорогой! А мы уже и ждать перестали. Забыл ты к нам дорогу, совсем забыл.

– Как можно, – оправдывался тот смущенно.

Санька, видя, что интерес к нему пропал, шмыгнул за диван.

Он почувствовал смутное беспокойство. Ему вдруг стало страшно и совсем расхотелось спрашивать, почему этот дядька назвал его сыном, и будет лучше, если этот неспрошенный гость уйдет.

Но взрослые рассудили иначе, и Санька узнал тайну, от которой раньше его так ревностно оберегали. Через неплотно прикрытую дверь мальчик слышал, как гость, оказавшийся его папой, настаивал на переезде сына к матери. Тетя Галя плакала, громко сморкалась, не соглашалась с ним. Они долго спорили, и никто не догадался спросить у Саньки, что хочет он.

А Санька хотел к маме. Он совсем не помнил ее. Рядом с ним всегда была тетя Галя и ее семья. Санька не знал, что его мама, сразу после развода, поделила своих двойняшек: дочку – себе, сына – отцу. И ни разу после этого, ни мама, ни папа не напомнили о себе.

Все изменилось в этот тихий весенний вечер. Санька узнал, что у него есть своя мама, свой папа и даже своя сестренка. Стоя за дверью и слушая, затаив дыхание, разговор взрослых, он не знал, что подумать и на что решиться. Ему до слез было жаль тетю Галю, и он уже хотел броситься к ней, спрятать лицо в ее ладонях и сказать этому дядьке – его отцу, чтобы уходил. Но радостное чувство, зародившееся в душе от мысли, что у него есть мама, удержало его. Он ждал, чем закончится разговор.

Взрослые решили, что тетя Галя с племянником поедут в город, к этой женщине и познакомят брата с родной сестрой, потому что грех скрывать это от ребенка. Дальше Санька не дослушал. Не в силах больше сдерживать свою радость, он бросился искать Жору. У него есть мама! Он поедет к маме!

И вот Санька, одетый в новую коричневую курточку, с карманами на молнии, семснит за размашисто шагающей тетей Галей. Город его немного напугал – слишком шумно, но и понравился – сколько машин! Он даже забыл на какое-то время, что едет к маме и все смотрел, смотрел.

Дверь им открыла красивая тетенька с бигуди на голове.

– Моя мама! – радостно сообщил Санька тете Гале.

– Да, милый, – подтвердила та. – Здравствуй, Лора.

Но женщина не обрадовалась гостям. Она сердито поджала губы, и Санька усомнился, его ли это мама.

– Можно войти? – спросила тетя Галя.

– Зачем?

Санька увидел, как побледнела тетя Галя, и испугался, вдруг она начнет ругаться, и мама уйдет. Он тихо заплакал.

– Поговорить надо, – твердо заявила тетя Галя.

Одной рукой она прижала племянника к себе, другой погладила по взъерошенным волосам.

– Войдите, – разрешила мама и предупредила – но ненадолго, я тороплюсь.

Как только Санька переступил порог квартиры, слезы его моментально высохли. В коридоре стояла девочка и большими голубыми глазами испуганно смотрела на гостей.

– Здравствуй, Ксюшенька! – заворковала тетя Галя. – Ты помнишь меня? Я тетя твоя, а это... – Она легонько подтолкнула мальчика к сестре.

– Братик твой родной – Саня.

– Здравствуйте, – растерянно проговорила девочка, и губы ее задрожали.

Санька терпеть не мог девчоночьих слез и сейчас, испугавшись, что сестра заплачет, торопливо подал ей привезенную в подарок куклу.

Из кухни послышался голос – мама звала тетю Галю. Санька тоже хотел пойти, но тетя Галя отослала их с сестрой в комнату. Играть оказалось не во что, подаренная кукла была единственной игрушкой, да и с ней Ксюша не пожелала расстаться. Внимание Саньки привлекло большое количество баночек и бутылочек на полке у зеркала.

– Не трогай, – предостерегла сестра, – а то мама заругает.

Санька отдернул руку. Помолчали.

– Ты теперь у нас жить будешь? – спросила Ксюша.

– Угу, – солидно подтвердил Санька.

Глаза девочки радостно заблестели, и Саньке стало легко и просто с ней. Он рассказал про то, как жил раньше: про тетю Галю, про Жору. Пообещал, что обязательно подарит коробочку с цветными стеклами.

Ксюша показала ему свою коллекцию фантиков и дала ему один, самый красивый, золотистый. А еще сказала, что спать они могут вместе в ее кровати. Они сидели, прижавшись друг к другу.

Так их и увидела мама, войдя в комнату, и тетя Галя, заглянувшая через ее плечо красными от слез глазами.

Санька не понял, почему мама сказала, что ему пора домой.

Тетя Галя, пряча глаза, торопливо одевала его. Ксюша плакала, и Санька обещал сестре завтра вернуться. Он хотел попросить маму поехать с ними, но посмотрел на ее холодное лицо и ничего не сказал, побоялся рассердить.

Они шли по весенней улице. Санька, ведомый за руку, громко перечислял тете Гале, загибая пальцы свободной руки, что он возьмет с собой, когда насовсем переедет к маме. Конечно, он часто будет приезжать в гости. А можно будет взять с собой Ксюшу, а маму? Брат Жора обязательно должен посмотреть, как Санька будет жить здесь; в городе. Он говорил, воодушевляясь все больше и не замечал, что тетя Галя спотыкается все чаще и прячет лицо за воротником пальто.

Соперница

День с самого начала не обещал ничего хорошего. Пятница, тринадцатое. Когда Татьяна увидела ее на пороге своего дома, то едва устояла от искушения захлопнуть дверь. Муж Саша суетливо помог гостье устроиться в их комнате.

Даже гапочки принес, с неприязнью взглянула на него Татьяна. Жене, между прочим, как бы не устала, не измоталась за день, ни разу не приносила. А перед этой расхотелось – смотреть противно. Накрывая на стол, Татьяна украдкой рассмотрела бывшую соперницу. Отметила, что из худенькой изюшки та превратилась в маман – ухоженную и прилично одетую.

Их в жизни встретилась. Татьяна выдвинула из себя улыбку.

Может помочь? – спросила гостья, выразив готовность, привстала.

Нет! – запротестовал муж. Посиди. Пришла, отдохни. Танюха сама

все сделает.

— Я сама, — вспыхнула Татьяна, уязвленная бесцеремонностью мужа. Он все больше и больше раздражал ее своей нелепой веселостью и разговорчивостью. За столом Татьяна посадила мужа и гостью напротив себя.

Иринка была спокойна, говорила мало. Раз только запротестовала против желания Саша положить ей больше салата, сыта мол. «Брезгует, чистоплюйка!» — подумала Татьяна.

Разговор не клеился. Говорил в основном Саша, изредка спрашивала Татьяна.

— Десять лет прошло, представляешь! А встретились когда — я сразу узнал, сразу! Вот ведь судьба! А? — Саша рассмеялся.

— Есть семья? — поинтересовалась Татьяна.

— Есть — подтвердила Иринка.

— Дети?

— Двое. — Улыбнулась. — Дочь и сын.

— И у меня двое, — подключился к разговору Саша.

Татьяна задыхнулась. Двое?! А старший сын, которого муж усыновил и который зовет его папой, не в счет?

— Трое, — хрипло поправила она мужа.

— Да, да, трое, — закивал Саша. — Двое — моих, и ее — Вовка. Помнишь?

— Конечно, — оживилась Иринка — славный был малыш. Сколько ему сейчас? — спросила у Татьяны.

— Двенадцать. — Татьяна наклонилась над тарелкой, попыталась справиться с нарастающей неприязнью.

— А моим — десять и восемь, — сообщила соперница.

— Муж? — снова спросила Татьяна и взглянула на своего.

Саша затих.

— Муж, слава богу, здоров, — по-своему поняла вопрос Иринка.

— Квартира?

— Пятикомнатная, — Иринка заторопилась. — Видите ли, муж много работает, ему отдельная комната нужна, под кабинет..

— Да-а, — согласился Саша.

Наступившую тишину прервала Иринка:

— У вас есть какая-то возможность выбраться отсюда? Мне... кажется, мы смогли бы вам помочь.

«Овца, — разлилась Татьяна. — За что ее мужики любят? За что ей везение?» — но вслух сказала:

— Нам не нужна помощь, мы скоро сами квартиру купим. — Бросила предостерегающий взгляд в сторону мужа.

— Прекрасно, — обрадовалась Иринка.

«Испугалась, что на шею им сядем. Нужны нам ее поганые деньги», — подумала Татьяна.

Заговорили про институт, вспомнили бывшее студенчество. Татьяна отмалчивалась. Иринка заметно оживилась, оказалось, что она поддерживает добрые отношения с бывшими однокурсниками. Но и эта тема была обсуждена, и Иринка, поблагодарив за гостеприимство, собралась уходить.

1366023

Саша засуетился. На улице дождь, сейчас, мол, сбегаю, такси поймаю. Не слушая Иринкиных возражений, помчался на улицу.

– Кофе еще не пили, – сказала Татьяна осевшим голосом.

На кухне соседи бурно обсуждали присутствие дамочки в их коммуналке. Зашла Татьяна, стало тихо.

– Татьяна, это кто в гостях у тебя? – метнув на Татьяну любопытный взгляд, поинтересовалась баба Люба.

– Сашкина любовница, – сорвалось с языка. Татьяна взяла выключенный чайник.

– Вскипел? – спросила.

Баба Люба горопливо закивала. «Заметили. Завистники проклятые. Везде свой нос сунуть надо, – хлопотало в Татьяне. – И зачем он ее сюда привел?!» – перскинулась она на мужа.

Татьяна, схватив за руку Иринку, усадила за стол, осторожно пододвинула чашечку с кофе и впилась глазами. Соперница, обжигаясь, молча выпила, поблагодарила, собралась уходить.

«Торопится скорей из этой помойки. Погоди, вспомнишь меня. Вспомнишь!» – подумала Татьяна.

Иринка обернулась, но попрощаться не успела, комната закачалась, пред глазами запрыгали темные пятна, к горлу подступила тошнота.

Татьяна поймала испуганный взгляд гостьи.

Началось.

Хлопнула входная дверь, шумно протопал Саша. Иринка прислонилась к косяку, ноги ее ослабли, и она медленно осела на пол.

– Иринка! – закричал Саша. – Что это ты, Иринка! Иринка!

Не зная, как привести гостью в чувство, Саша суетливо оглянулся на жену.

– Что с ней?

Татьяна с интересом наблюдала за соперницей, боясь пропустить любое ее движение, отмечая малейшее изменение в лице. Бледность, испарина на лбу, резко обозначившиеся складки на шее – ничего не упустила, все отметила до мельчайших подробностей.

Иринка застонала, и тишину комнаты разорвал Сашин крик.

– Ты? Это ты?! – он задохнулся, дрожа всем телом и сам испугался своих слов. Иринка затихла.

«Скоро». – Татьяна отвела глаза от скорчившейся фигуры, облизнула пересохшие губы. Она устала. И ей совершенно безразлична дальнейшая судьба соперницы. Что сделано, то сделано. Она ни о чем не жалест.

Саша нагнулся к Иринке, с трудом ее поднял. Рука соперницы безвольно повисла, голова болталась каку тряпичной куклы. Она была без сознания.

– Если с ней что-нибудь случится, я убью тебя.

Не взглянув на жену, Саша бережно вынес Иринку из комнаты. Татьяна слышала, как засуетились соседи, как приехала неотложка, как потом наступила тишина. Она убрала со стола, вымыла посуду.

Тикали ходики, но для Татьяны время остановилось: нет прошлого, нет будущего, есть только настоящее. За ней не пришли. Она сидела, сложив руки на коленях, и смотрела, как зарождается за окном новый день. Иногда за дверью слышалось возбужденное бормотание соседей, но ее не беспокоили.

Татьяна расчесала волосы, тщательно подкрасила губы и вышла. Строго посмотрела на притихшую у плиты бабу Любу.

– Увезли? – спросила.

– Увезли матушку, – с готовностью подтвердила соседка.

Татьяна поджала губы.

– Сказывали – в Калининскую, мол, повезем сердечную, – причитала баба Люба. – И муж твой с ней поехал.

Каждый день Татьяна приходила к больнице и ждала. Муж за все это время не напомнил о себе ни разу. Из деревни позвонила мама, чтобы сообщить, что дети здоровы.

В тот день, когда соперницу выписывали, Татьяна пришла пораньше. Она не пряталась, но и близко не подошла. К десяти подъехала иномарка. Крепкий и самоуверенный мужчина с букетом роз в одной руке и большим пакетом в другой, скрылся в жадно распахнутых дверях приемного покоя. Ее муж, решила Татьяна и не ошиблась.

Вскоре вышла Иринка, опираясь на руку мужа с одной стороны и на руку Саши с другой. Они остановились на крыльце.

Татьяна увидела осунувшееся лицо соперницы и подалась вперед. Их взгляды скрестились.

– Это я сделала! Это я! – беззвучно шевелила губами Татьяна. – Ненавижу тебя.

Иринка не услышала ее слов, но поняла и ответила долгим взглядом печальных глаз. Татьяна отшатнулась. Глазами соперницы на нее смотрела жалость.

Театральные билеты

Она замкнулась в своем уютном мирке, не замечая брошенные исподтишка любопытные, реже сочувствующие взгляды знакомых. А если и замечала, то ошибочно принимала их за знаки внимания, тщеславно полагаясь на свою миловидность.

Жизнь текла своим чередом: дом, работа, частые командировки. Редкие праздники, еще реже совместные поездки в отпуск. В этот сентябрьский день она впервые за несколько месяцев оказалась свободна. Но отдохнуть не пришлось. Работы по дому накопилось столько, что кажется и дня мало. Впрочем, глаза боятся, а руки делают. И весело напевая, с утра затеяла генеральную уборку. В полдень на минутку присела, с удовольствием оглядела прибранную комнату. Программа минимум выполнена.

на. Осталось немного: отобрать вещи, нуждающиеся в химчистке и погладить рубашку мужа. Для него сегодня особенный день, решается судьба проекта, над которым его отдел работал более восьми лет. Конечно, он волнуется напрасно, она знает, что все будет хорошо. Освобождая карманы его пиджака, она обнаружила два билета в театр. Повертела их в руке, припоминая, когда они последний раз куда-то ходили вместе. Кажется, это было весной, да, конечно, в конце апреля. Муж тогда принес билеты в театр. Пьеса называлась..... Стоп. В апреле? Но эти билеты на январь. А в январе она была в командировке. Нет, ошибки быть не может. Дочь тогда гостила в деревне у мамы. Она вспомнила, что приехав, с удивлением обнаружила в отношениях с мужем холод. Она тогда успокоила себя тем, что муж устал от ее вечных командировок. С удвоенной энергией окружила его заботой и вниманием. Лед треснул и растаял. Но ей и в голову не могла прийти мысль, что между ними... О, боже! Ее бросило в жар от внезапно вспыхнувшей в сознании догадки.

Если мужчины сразу мирятся с фактами, то женщины, чаще всего, продолжают упорствовать даже тогда, когда уже все очевидно. За самым удивлением «этого не может быть» подступило медленно и неотвратимо — «у него есть другая».

Нет! Это невозможно.

Но чем больше в ней все протестовало, тем это становилось очевиднее. Боль пришла не сразу. Парализовало волю. Она сидела на полу, тупо глядя на этот злополучный клочок бумаги, не в силах ничего предпринять. Боль волнами заливала душу и уже завладела каждым уголком ее существа, но все равно прибывала и прибывала. Вот и все, скоро будет кончено. Боль уже переполнила ее всю и сейчас разорвет на части. Она закрыла глаза в ожидании, ничего не произошло. Боль все росла. Сознание услужливо подсказало, что боль не исчезнет, а останется навсегда. От этой мысли по телу побежала дрожь, и в тишине комнаты послышался тихий сдавленный смех. Боль вырвалась и переросла в хохот. Она корчилась на полу и не могла остановиться, только все закрывала рот сжатыми в кулаки руками. Приступ опустошил ее. Внезапно наступившая тишина обрушилась и сдавила так же сильно, как только что кричащая в этих стенах боль. Взгляд ее остановился на зеркале. Оттуда, из мира черной рамы, провалами глаз смотрело отражение. Юность считает, что она неизменна. Вот такой молодой, сильной, привлекательной она будет всегда. Но годы идут. Приходится стареть, хоть этого и не хочется признавать, а тем более принимать. Глядя теперь на свое отражение, она отметила, что тело, тайком от нее, успело состариться. И сейчас, из глубины зеркала, сообщало ей об этом. Прочь из этого лживого мира. Где все предало ее, даже собственное тело.

Она рванула с вешалки пальто. Брела, сама не зная куда, и все пыталась разобраться в том, что произошло. Но в голове было на редкость пусто, а в душе прочно обосновалась боль. Все в ней жило теперь самостоятельно: и душа, и тело, и разум. Каждая ее часть — сама по себе. Она не плакала, глаза были горячи и сухи.

Если бы кто-нибудь спросил ее, куда она идет и зачем пришла в этот давно забытый дом, она бы не ответила. Зачем ей нужно видеть этого, давно вычеркнутого из их жизни друга, она не знала. Просто не способна была сейчас ни думать, ни рассуждать. Так бывает, когда человек, после тяжелого удара судьбы теряет себя и в жизни, и в пространстве, и в самом себе. Так бывает в детстве, когда, проснувшись от страшного сна, ребенок не понимает, где он, что с ним. Он кричит, плачет и ищет защиты, успокоения в объятиях матери.

Повзрослев, человек в тяжелые для него минуты ищет защиты, порой неосознанно, там, где его любят.

Ноги сами привели ее сюда, рука вдавила кнопку звонка. Обнаружив себя у чужой двери, она удивилась: какого черта? Попыталась собраться с мыслями, чтобы втиснуть свой приход в более или менее правдоподобные словесные рамки. Мысли растекались, не успев образоваться. В глубине квартиры надрывался звонок, а она все еще не знала, зачем здесь и как объяснит свой визит.

Дверь распахнулась. На пороге стоял бывший друг. Увидел и замер, вылив на нее тепло и нежность синих глаз. Незваная гостья отгеснила его к стене, буркнула приветствие и прошла в квартиру.

Придя в себя от удивления, он засуетился, что-то говоря и все время улыбаясь. Она слушала, но не понимала. Слова не желали открывать ей свой смысл. Прошла в комнату и тяжело опустилась на диван, не обращая внимания на рассыпавшийся пепел. Он топтался в просеме двери, не решаясь зайти, как большой и преданный сенбернар, ожидающий зова хозяина.

— У тебя выпить есть? — спросила чужим голосом.

Он удивился, на мгновение замер, но ничего не сказал. Молча достал из бара рюмки и бутылку коньяка. Смахнул со стола газету, которая с шуршащим вздохом упала на пол. Столик прижался к ее ногам, наполненные рюмки замерли в ожидании. Откуда-то появилась коробка, распахнулась, предлагая конфеты.

Она отхлебнула коньяк и тупо уставилась на бутылку, содержимое которой показалось ей водой. Допила, сама налила себе и снова выпила.

Друг, поддерживаемый стеной, стоял напротив. Ничего не понимая, с нарастающей тревогой следил за ее руками. Выпитый коньяк бросил ее в жар. Это обрадовало, хоть какое-то ощущение. Налила себе еще и вальяжно откинулась на спинку дивана, даже не взглянула на него, словно была в этой накуренной холостяцкой комнате одна.

Он стоял, едва дыша, не решаясь напомнить о себе, чувствуя, что произошло нечто ужасное. Коньяк, разлившись по ее телу, отгеснил и укротил боль. Но взамен выпустил из укромного уголка души обиду и быстро нарастающую ярость. В ней проснулся вулкан. Самолюбие угрожающе заклокотало. Друг осторожно переступил с ноги на ногу. Половица предательски скрипнула. Он замер.

Она вздрогнула, и гневно взметнулись ресницы.

Перед ней стоял мужчина в синих спортивных брюках, вытянутых на колени. От этого взгляда ему стало неуютно. Ей захотелось домой. Но вместо того, чтобы встать и уйти, она обронила:

– Иди ко мне.

Он пошел, завороченный ее взглядом. Так идет кролик к смотрящему на него удаву. Неловко присел с краю, готовясь выслушать ее и проклинаая себя за неуклюжесть.

Она рванула его к себе и впилась в губы. Больно укусила и даже не почувствовала привкус крови. Она мстила.

Его ошеломило ее неистовство. В голове зашумело. Сердце бешено застучало, приготовилось вырваться наружу и разбиться у ее ног.

Как ни крепко стиснула ее ярость, она почувствовала присутствие чего-то светлого и прекрасного. Ярость, под напором его нежности, ворча, попятилась, уступила.

Она несмело приоткрыла глаза, взглянула в темноту комнаты, удивилась, когда он успел выключить свет. Взгляд скользнул по темной стене, книжным полкам, как бы ища объяснения всему тому, что здесь происходит, и замер.

Свет уличного фонаря высветил висевшую напротив дивана фотографию. Любительский снимок, снятый еще в студенческие годы, запечатлел трех молодых людей: муж, его друг, а в центре она. Смеющиеся, пышущие здоровьем и счастьем лица. С дивана была видна только часть фотографии, где она и друг, а лицо мужа уходило в тень, отброшенную книжной полкой.

Она не знала, да и не могла знать, как долго он решал, где место этому снимку. Как долго боролся с искушением отрезать ту часть, где был его друг, остаться вдвоем с ней. Решение проблемы пришло случайно. На стене висела картина, написанная им в уральских горах. Он подарил картину ее мужу, а на это место повесил их фотографию, обрамленную в рамочку.

Вечерами, выключив свет, долго смотрел на портрет, видя только себя, ее глаза, и мечтал. Это был их мир, где существовали только он и она. А муж уходил в тень, отброшенную полкой. Он знал, что никогда не сбудутся его мечты, даже посмеивался над собой, но все равно мечтал. И был счастлив в своем придуманном мире, где любил ее, и был любим, где рождались и росли их дети.

Теперь и она встретилась с глазами своей застывшей, в этот миг, молодости, вспомнила. В тот далекий летний день они оба признались ей в любви, предложили руку и сердце. Она отдала предпочтение высокому, синеглазому. Он и стал ее мужем, и был им уже без малого пятнадцать лет.

Этой весной, в день ее рождения, муж был так мил. Осыпал ее сонную цветами. Оленька, звеня колокольчиком, старательно пересчитала – тридцать семь роз. Дочка расставила букеты по квартире, наполнив ее ароматом и счастьем.

А какой нежностью светились глаза мужа, когда он, подхватив ее на руки, кружился по комнате. Смясь, они упали на ковер. Именно тогда, после холодной зимы, в их дом снова пришла весна.

Друг лежал притихший, безгранично благодарный. Молчали: она, проснувшись от кошмарного сна, он, убаюканный волной счастья. Она попыталась освободиться от его рук. Он очнулся, горячими влажными губами поцеловал. В нос ударил запах чужого тела.

Она рванулась, следом загрохотал опрокинутый столик. Вода освежила разгоряченное лицо. Она взглянула на себя в зеркало и замерла. Рубашка мужа так и осталась неглажена. Домой!

Друг молча ходил за ней по пятам. Она молча одевалась, переступая разлитый на полу коньяк.

Ее мысли уже не путались: со слезами вылились и эмоции, и чувства. Друг смогрел на захлопнутую дверь и улыбался.

Женское счастье

Как известно, день рождения бывает раз в году. Грех не отметить. Суетится хозяйка, и медленно тянутся гости. Все как обычно: из года в год, из осени в осень. Те же лица, то же неловкое топтание у стола, перешептывание и вежливая предупредительность. Но вот после выпитого вина лица покраснелись, речь стала громче, разговор откровеннее. Возбужденно обсуждаются цены и невыданные зарплаты. Успеваемость детей в школе. Гости раскрепостились, посыпались анекдоты и шутки. Иринка, самая молодая из собравшихся, предложила всей честной компании прогуляться. Подышать чистым, вечерним воздухом. Охотно откликнулась Татьяна, тучная вдовушка средних лет. Откликнулась и потянула за собой всегда молчаливую и тихую Катюку, блондинку бальзаковского возраста, обладательницу ярко-голубых глаз.

Шумно убрали со стола посуду и выпорхнули в мягкую тишину улицы.

– Хорошо как, девочки! – зашебетала Иринка. – Вечер какой...

– Тихий, – подсказала Татьяна.

– Теплый, – добавила Иринка.

Катюка молчаливо согласилась.

– А звезды! Яркие алмазы, – не унималась Иринка.

Татьяна посмотрела вверх и погрозила в небо пальцем.

– И не подмигивай мне, – грозно пробасила она мерцающей звезде.

– Тебе хорошо сиять, там высоко. У тебя Млечный Путь под боком. А у меня дома – холодная постель.

Катюка закивала головой, молчаливо вторя подруге.

– И два хвоста сзади тянутся, – попытожила Татьяна. Имела в виду двух своих великорослых отпрысков.

– И кошелек пуст, – не выдержала Катюка.

– Ой, не говорите, девочки, в кошельке чаще пусто, чем густо, – эта тема и Иринке была близка.

– А был бы мужик, – тянула свое Танька, – и в кошельке было бы и вообще...

Иринка хихикнула. Из всей компании у нее одной при ней и при детях был муж и отец.

– Где они, мужики? – буркнула Катька. – Хороших бабы за семью замками держат, а пьянь, кому она нужна.

– Да, – вторили Татьяна и Иринка.

– А давайте споем, девочки, – предложила Иринка.

– «Вот кто-то с горочки спустился», – полился сильный, высокий Катькин голос.

– «Наверно, милый мой идет», – подключился низкий, грудной голос Татьяны.

– «На нем защитна гимнастерка», – жизнерадостно подхватила Иринка.

Пели красиво, слаженно. Катька вела песню умело, любовно вслушиваясь в свой голос.

«Она с ума меня сведет». – И перед Катькой снова появилось лицо Николая Ефремовича, из соседней квартиры. Его маленькие, жадные глаза впивались в Катьку всякий раз, когда они случайно встречались. Толстые, влажные губы расплывались в подобии улыбки. Он сустился и тянул: «Здрассте, Катерина Ивановна!» – с наслаждением глотая каждое слово. И Катьке казалось, что у него потели ладони. Катька встряхнула кудрями, отгоняя наваждение, и фыркнула. «Вот еще! Менять шило на мыло», – пронеслось в голове.

Николай Ефремович был горький пьяница. Его жена так же, как и когда-то Катька, промучавшись с мужем добрый десяток лет, освободилась от него через развод.

– «На нем погоны золотые», – Татьяна запыхалась от ходьбы и пения, но старательно выводила слова, не отставая от подруг. Надо занять до получки у Иринки, решила она. Даст, не откажет. Неловко, конечно, денег лишних теперь ни у кого нет. Зарплату везде задерживают. А как люди живут, до этого им, там наверху и дела нет. Вот, у Маринки, старшенькой дочки, салоги «каши просят». А за ремонт, не много, не мало, полтинник отдать надо. Купить новые? В этом году не под силу. Разве что к весне подкупить. Ох, был бы Сереженька жив, разве бы допустил, чтобы дочки ходили в обносках.

– «И яркий орден на груди», – Иринка с наслаждением втянула аромат осеннего воздуха. Как приятно бывает отдохнуть, вот так, в чисто женском обществе. Пообщаться с милыми сердцу людьми. Не то что на работе, где от одних планов, методик тошнит. Да и от лиц тоже. Иринка фыркнула, вспомнив подменную директрису. К ней, Иринке, она особенно притирается, уверенная, что молодой специалист и через десять лет работы – студент. Махнуть на все рукой. Витек, муженек ненаглядный, давно уговаривает уволиться. Дома работы хватит. А к весне Витенька шуб-

ку новую обещал, норковую. Иринка улыбнулась. Готовь сани летом, и телегу – зимой. Шубку же лучше купить на сезонной распродаже, дешевле обойдется. Да, не забыть бы завтра, перед отъездом, Татьяниной дочке платье свое занести. Выросла как девочка за лето, ростом с нее, Иринку, стала. Пусть порадует! Мало теперь в жизни радости у детей. А в неполной семье и того меньше. Платье хорошее, все берегла и одевала раза два, не больше. Теперь вот, после родов, расплелась. Иринка вздохнула: «Ох, где мои семнадцать лет и рубаха с петухами».

– «Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути».

Они прошли кружок света, отброшенный тусклой лампой фонаря. Неожиданно пронзительно взвизгнув, Иринка бросилась назад:

– Ой, мамочка!

Песня оборвалась. Женщины сгрудились под фонарем.

– Ты чего, Иринка?! – залепетала Татьяна, с опаской поглядывая в темноту.

– Ой, девочки! Там кто-то есть! – возбужденно затараторила Иринка.

– Он меня за ногу схватил. Ей богу, девочки, не вру.

– Ну-у, – с сомнением протянула Татьяна и решительно шагнула на обочину.

– Не надо, Танечка, не ходи! – Иринка повисла на Катькиной руке

– Да брось, чего бояться, – пробасила Татьяна. – Ой! Девочки! Идите сюда! Мужичок!

– Какое диво! – откликнулась Иринка, недоверчиво приближаясь.

Удивленная Катька нагнулась над канавой. Там, на загнивающих листьях, прикрывшись осенней темнотой, лежал Николай Ефремович. Он был пьян. На затылке его торпорщились грязные слипшиеся волосы.

– Николай. – признала Татьяна. – Эй, – толкнула в плечо, – Николай Ефремович, ты чего тут залег? Вставай, батюшко, домой иди.

Потревоженный так бесцеремонно Николай Ефремович завозился, поднял голову и уставился осоловевшими глазами, безрезультатно пытаясь сосредоточить свой взгляд на лицах.

– Че надо? – спросил.

– Ничего не надо, – отрезала Татьяна, – да и чего с тебя взять, горе ты луковое. Пьянь ты пропащая.

Данная Татьяной характеристика пришлась Николаю Ефремовичу не по душе. Он начал свое восхождение на обочину. Пока полз на четвереньках, ноги его слушались. Но когда попробовал встать, дабы обрести человеческое достоинство и ответить обидчикам, случилось то, что и должно было случиться. Выпитое с лихвой, так бабахнуло Николая Ефремовича под колени, что он мешком рухнул на асфальт.

Иринка вскрикнула, Татьяна охнула, Катька вздрогнула.

– Ну, куда ошалелый, – закудаhtала Татьяна и кинулась на помощь. – Поднимай, девочки.

– Да, ну его. – брезгливо отозвалась Катька.

– Зачем? – удивилась и Иринка.

– Домой отведем, – решительно заявила Татьяна. – Холодно, обморозится еще.

Ташили Николая Ефремовича сообща. Роняли, поднимали, пытались поставить на ноги. Загружали свою находку в его квартиру долго. Давясь от смеха, вталкивали упирающегося Николая Ефремовича на его территорию, попутно отдирали от себя его цепкие руки. Наконец захлопнули дверь и вышли на улицу. Осенний ветер, налетев, лизнул шершавым языком раскрасневшиеся женские лица.

– Мне завтра на работу, – сообщила Катька. – Я пойду, девочки.

Попрощались. Катька пошла в одну сторону, Иринка и Татьяна – в другую.

– «Женское счастье», – разрезал темноту Татьянин голос.

– «Был бы милый рядом», – отозвалась Катька.

– «Ну а больше ничего не надо», – поставила точку, закрывая тему, Иринка.

Катька, улыбаясь, обернулась и помахала рукой: «Девочки!» Две улыбающиеся фигуры дружно взмахнули руками и тоже улыбнулись в ночь. Женское счастье!

*Рассказы
мистические*

Если бы тебя не было

*«Вначале было слово»
/Библия. Новый завет./*

Наконец ей повезло. Столько лет самоотверженности сломили недоверчивость начальника. Он сразу, с первых дней ее появления в тресте держался настороженно. Красный диплом, красивая, да еще и умница. Рита тряхнула кудрями, нахмурилась, и на лбу появилась упрямая морщинка. За шесть долгих лет она доказала, что достойна места завотделом информатики. Не многие выдержали бы такой график: постоянные сверхурочные, ворох необработанного материала, бессонные ночи. Но всегда спокойная, подтянутая, корректная. Рита знала, что это ее место и не ошиблась. Сегодня Игорь Алексеевич вызвал ее и сообщил о новом назначении. Она сумела скрыть огонек торжества, опустив глаза, и сухо поблагодарила. В отделе, конечно, обсуждают эту новость дня и, конечно, недоумевают, почему выбор пал именно на нее, недавнюю студентку, а не на работника со стажем. Ничего, пусть говорят, она и их сможет убедить. Не сразу, со временем, но сможет. В этом Рита не сомневалась, ей всегда удавалось добиться того, к чему она стремилась. Еще в институте, когда увидела Сергея: высокого, красивого, черноглазого, решила – будет мой. Не прошло и полгода, как гордость факультета, неприступный Сержка Анаев сдал свои позиции женоненавистника. Влюбился, как мальчишка. И она впервые уступила натиску чувств. Их роман стал предметом зависти однокурсников. Закончился он внезапно, в ту самую минуту, когда Рита объявила Сергею о своей беременности. Он растерялся, стал уговаривать ее избавиться от ребенка. Тогда она впервые потеряла контроль над ситуацией, находясь во власти чувств. Но что может быть непостоянное чувство? В больнице, увидев на стене плакат с надписью «Мама, не убивай меня» и фотографию плачущего малыша, Рита убежала. Твердо решила, что ребенок будет жить, а еще поняла, что навсегда избавилась от иллюзий любви. Сергей был раздавлен ее сообщением о невозможности дальнейших отношений. Скоро их встречи прекратились. Сергея отчислили из института за неуспеваемость. Рита защитилась на отлично. Родила черноглазого сына и назвала его Семеном, дав ему свою фамилию, но оставив отчество отца. Через полгода, сдав малыша на руки бабушки, подавив в себе все чувства и эмоции, как ненужную слабость, с головой ушла в работу. Она почти не замечала людей, жила, как машина, пущенная на полный ход. Сына видела редко, с удовольствием отмечая, что растет он умным и послушным. Забот прибавилось, когда неожиданно умерла бабушка, заменившая в свое время Рите мать, а затем ее сыну – родителей. Все тяготы по дому и воспитание легли на Ритины плечи. Погоревав о потере, скоро втянулась. И жизнь потекла своим чередом. Сегодня она заслуженно заняла положенное ей место и выиграла у фортуны счастливый билетик одинокой женщины. Игорь Алексеевич, не обремененный семейными отношениями, не только сообщил Рите о продвижении по работе, но и пригласил вечером отужинать. При этом, слегка покрас-

нев, добавил, что очень ценит ее и свое время и хочет в соответствующей обстановке сделать предложение. Рита недолго терялась в догадках по поводу намерений шефа.

Торопливо шагая в детский сад, она детально обдумала возможность брачного союза с Игорем Алексеевичем и мысленно дала согласие.

На обратном пути сын взахлеб рассказывал о посещении зоопарка. Рита слушала в пол-уха, думала о своем. Решала, что оденет, как войдет и что скажет Игорю Алексеевичу.

Они уже подошли к дому, пересекая детскую площадку. Сема, зажав в руке выпрошенный у матери ключ, помчался через дорогу к подъезду. Рита отметила для себя, что завтра необходимо купить сыну новую куртку. В этом году в школу. Сколько возникнет незапланированных проблем. Плюс ко всему возможное замужество.

«Вот если бы не было Семки и я была одна», – неожиданно мелькнуло в голове. В тот самый миг из ворот вылетела черная «Волга». Рита растерянно взглянула на бегущего через дорогу сына, услышала глухой удар и свой крик.

II

Сколько лет прошло, а все равно не забыл, как заноза в сердце. Ведь любил он ее, как любил. И от ребенка отказался только ради нее. Учебу в институте забросил ради нее. А она, в благодарность охладела к нему. («Видеть не желаю и все тут». Как отрезала.) Вся жизнь потом пошла кувырком. Женился, но скоро понял, что не на той, и развелся. Менял женщин, но не встретил такой. Теперь он знает – она единственная. А сегодня решился. Выпил немного для храбрости и к ней. Были, конечно, сомнения – вдруг замужем, обросла детьми. Но слишком велико оказалось желание видеть ее, поговорить. Жжет в груди невыносимо. Тянет, как тянет к ней.

– Рита, Риточка, девочка моя, – шепчет Сергей, увеличивая скорость.

Машина мягко скользит по дороге. Скорей к ней! Память услужливо рисует перед глазами родное лицо. Как им хорошо было вместе. И, если б не этот ребенок, неожиданный, незапланированный, разлучивший их навсегда. В носу защипало, он ладонью смахнул набежавшие слезы. С разлету проскочил знакомую арку. Вот и ее дом.

В какой-то миг мелькнула фигурка, внезапно выбежавшего на дорогу ребенка. От удара машина вздрогнула. Сергей инстинктивно вдавил тормоза. Как видение проплыло лицо бегущей женщины. Сергей узнал ее, и сердце учащенно забилось. Словно во сне навалился на дверцу.

– Ритка, радость моя! – шагнул и задохнулся.

На сером асфальте, с застывшим удивлением в серых, широко раскрытых глазах, лежал мальчик. Да, это же он, Сергей, лежит, раскинув

руки, как когда-то в детстве, и смотрит в небо. Но не мама рядом, а Ритка. Его Риточка стонет, прижав к груди руки.

— Семушка! Ну что же ты? Вставай, сынок...

К горлу подступила тошнота. Не в силах поверить, он сжался под тяжестью непоправимой беды. Боль обрушилась и сдавила виски.

— Сынок! — вспыхнула в сознании истина и ударила в сердце разом поседевшего Сергея.

Сно ведение

Я стою на пригорке и смотрю на деревню. Не знаю ее название, но чувствую, что она дорога мне. Уверенность в истинности этого чувства идет из смутного далека и наполняет душу покоем.

Я не одна, со мной мой младший сын. Мы едем по дороге к дому моей бабушки. Она встречает нас на пороге, улыбается, и я рада, что вижу ее живой. Веду сына в деревенскую избу и щекой припадаю к шершавой поверхности еще теплой печки.

Закрываю глаза и мысленно становлюсь маленькой девочкой.

Здесь я найду утешение, и душа наполнится покоем. Говорю бабушке о своем решении остаться и спать на печи. Она замолкает. Но я еще не готова рассказать ей правду. Скажу ей обо всем вечером, когда уснет сын, за окном стемнеет, и под печкой запоет сверчок.

Бабушка зовет меня на улицу. Я иду.

Вдоль дороги стоят мужчины и женщины. Они не обращают на нас никакого внимания. А меня начинает волновать, хорошо ли я одета. Бегло осматриваю свое пальто и замечаю, что потеряла пуговицу. Говорю об этом бабушке, и мы начинаем искать пропажу: в траве, в бурой пыли дороги. Наконец я нахожу ее. Пуговица, на длинной цветной нити, лежит на полусгнившей доске. Я зову бабушку. Обе рады, что нашли то, что искали. Пуговицу я пришью обратно, но не яркой ниткой, а подходящей к моему серому пальто.

Возвращаемся обратно по проселочной дороге, и я удивляюсь, как далеко мы отошли. Там за пригорком наш дом.

Навстречу нам идут незнакомые люди, они улыбаются и здороваются. Мы тоже улыбаемся и отвечаем на приветствия.

Я ловлю себя на том, что ищу среди прохожих своего мужа.

В просторной комнате я снова припадаю щекой к теплой печке. Комнату заливают яркий свет, мне тепло и уютно. Хочется стать маленькой девочкой.

Бабушка хлопочет у стола и рассказывает деревенские новости. Неожиданно она говорит, что я должна ехать. Я не хочу уезжать, но знаю, что это необходимо.

Я поднимаюсь на пригорок, с грустью оглядываюсь на деревню, с тревогой смотрю на дорогу. Скоро подойдет автобус и увезет меня в город, где мне придется решить свои проблемы самой.

Рядом в заброшенном саду играют дети. Я загадываю желание и пе-

республиканов их: один, два... девять. Он вернется. Из-за яблони выглядывает лукавое личико малыша. Десятый? Или кто-то из девяти?

Подъезжает автобус, я борюсь с желанием вернуться в деревню. Автобус стоит, давая мне возможность выбора. Я захожу и слышу, как за спиной с шумным вздохом закрываются двери.

В салоне вместо сидений стоят кровати. Мы с мужем сидим на одной из них, похожей на полати. Со стороны мужа незнакомый мне мужчина. Ее нет. Я ловлю себя на мысли, что сейчас удобный момент для разговора. Но не могу прервать молчание.

Муж отворачивается от меня. Я слышу, как он жалуется сидящему рядом мужчине на усталость и невозможность так жить дальше.

Я прижимаюсь к мужу в надежде обратить на себя его внимание. Ощущаю тепло его тела, и по моей коже волной пробегает дрожь, но он отодвигается, и я снова одна.

Реальность возвращается. Она беспощадна. Несколько дней назад от меня ушел муж. Он не просто ушел, он ушел к другой женщине, обвинив меня в равнодушии и холодности.

Что мне делать? Этот вопрос преследует меня все эти дни, и я не нахожу на него ответ. Устала. Меня не мучает даже ревность, и уже не знаю, хочу ли я, чтобы он вернулся.

Сбоку от меня кто-то садится. Я, погруженная в свои мысли, не сразу понимаю, что чьи-то руки раздевают меня. Это не муж. Резко отталкиваю нахала, бью по щеке. Его руки снова тянутся ко мне, в то же время он что-то обсуждает с моим мужем. Я вырываюсь, оскорбленная и возмущенная.

Босиком перебегаю на стоящую напротив кровать. На ней под шелковой простыней лежат три девушки: юные и красивые. Мне неловко беспокоить их, я извиняюсь и прошу разрешить посидеть с ними. Одна из них кивает головой в знак согласия, и я забиваюсь в угол, поджав под себя ноги и устремив взгляд туда, откуда в такой панике бежала. Их трое, в центре — мой муж, они оживленно беседуют, и он даже не смотрит в мою сторону.

Все кончено. Сама судьба разрешила наши проблемы. Он ушел, обвинив меня в том, что я испортила ему жизнь. И он прав. Но что я скажу детям?

Я снова пытаюсь привлечь внимание мужа. Тщетно. Да и как же иначе. Здесь, кроме меня, три молоденьких привлекательных девушки. Они перешептываются, бросая взгляды на мужчин.

Я на улице, вокруг меня шумит городская жизнь. Всматриваюсь в лица проходящих мимо людей. Я должна его увидеть, нам нужно поговорить.

Зачем? Осталось ли что от прежней любви? Он сказал, уходя, что я испортила ему жизнь.

Смотрю в окна пятиэтажных домов, стараюсь угадать, за которым из них он, с той, другой. Я не чувствую ревности, я хочу, чтобы он вернулся. И, если в его душе осталась самая малая крупичка...

Ко мне подходит мужчина, но это не мой муж. Разочарование сменяется радостью. Я узнаю человека, подошедшего ко мне. Я так устала.

Метаморфоза

Электричка вильнула последним вагоном и скрылась за поворотом. Надя, раскрасневшаяся от бега, с досадой вскрикнула. Зажатый в руке билет насмешливо хрустнул.

«Успела б, если бы не простояла в кассу, – расстроилась девушка, – в конце концов, билет можно купить и в поезде».

Она подошла к одной из скамеек, сиротливо пустующих по всему перрону, и села. До следующей электрички почти два часа. Леша будет встречать ее, а она здесь застряла.

– Привет, детка.

Надя вздрогнула. Лучи солнца, падающие из-за спины высокого незнакомца, ослепили ее. Девушка на миг зажмурилась и услышала сухой, отрывистый смех. Надя замерла.

Незнакомец присел на корточки, с видимым удовольствием затянулся сигаретой и выпустил дым в лицо оторопевшей девушки. Надя закашлялась, вскочила, прижав к груди сумочку, отступила назад.

– Что вы хотите? – спросила дрогнувшим голосом.

Незнакомец, глядя на Надю холодными, немигающими глазами, медленно поднялся.

– Ты действительно хочешь знать, что я хочу?

– Нет! Нет! – закричала Надя и, торопясь, пошла к вокзалу.

Она успела сделать несколько шагов, прежде чем он преградил ей дорогу. Надя сжалась, по спине пробежал холодок.

Незнакомец молча курил. Девушка почувствовала на себе его пристальный взгляд. Каплями страха по телу разливалась дрожь, ее затошнило. Надя сглотнула, пытаясь справиться с собой, взглянула в лицо незнакомца. Он был красив, даже чересчур. Но плотно сжатые тонкие губы и прищел глаз производили неприятное впечатление. Надя инстинктивно почувствовала опасность. Страх перерос в панику. Девушка заплакала.

Незнакомец молчал, лениво пуская колечки дыма. Неожиданно, не докурив сигарету, Надин мучитель резко бросил окурочек под ноги. Девушка замерла. Его тонкие пальцы потянулись к замку куртки.

Молния с треском разошлась.

Надя попятилась. За кожаным ремнем блеснул металлической рукояткой самодельный нож.

– Жарковато, – усмехнулся незнакомец, – не находишь?

Надя отчаянно замотала головой. Говорить она не могла. В ушах гудело. Реальный мир, как в кошмарном сне, вдруг исчез. Пропали звуки живущего города. Остались только она и незнакомец.

Что у него в руке? Нож! Надя хотела крикнуть, но голоса не было.

Раздался глухой щелчок. Незнакомец прикурил сигарету, убрал зажигалку в задний карман брюк и медленно застегнул куртку.

– Иди сюда.

Она пошла. Его ладонь завладела ее рукой, и девушка с ужасом поняла, спасения нет.

Внезапно Надю захлестнула волна безмерной усталости. Куда идти? Зачем идти? Не все ли равно.

Подчиняясь чужой воле, она шла, спотыкаясь, бессознательно прижав к груди сумочку. Обо что-то ударилась. Резкая боль в ноге помогла Наде придти в себя. Вернулись звуки города. Сначала неясные, они постепенно обрели смысл.

Незнакомец вел ее через здание вокзала. Здесь, как и обычно, в час пик, было шумно. Девушку толкнули. Кто-то сердито зашипел в лицо. Кто-то посторонился. Надя поймала на себе взгляд высокого мужчины средних лет. Он отвел глаза и брезгливо поморщился. За кого он ее принял?

Надя глухо охнула и упала бы, отброшенная бегущим молодым человеком, но сильные руки подхватили ее. Холод, глазами незнакомца, заглянул в душу.

– Детка, ты в порядке?

Вот так и хищник поинтересовался бы: не причинили ли его добычке вред. Девушка съжилась. Сомнений нет, он убьет ее. «Ты действительно хочешь знать, что я хочу?» – зазвучал в голове его леденящий душу голос. Память, лихорадочно работая, подсказывала Наде жуткие подробности убийств молодых женщин. Она всегда с интересом прочитывала криминальные истории, они воспринимались ею как что-то далекое, не касающееся непосредственно ее.

Они вышли на улицу. Надя глубоко вздохнула. Весенний воздух влился в грудь живительной струей.

– Бежать! – запульсировала в висках спасительная мысль.

Девушка окинула взглядом привокзальную площадь. Они подходили к остановке пригородных автобусов. Если сейчас она упадет и притворится, что ей плохо, ее заметят, ей помогут. Надя замедлила шаг. Внезапно новая догадка обожгла ее своей безысходностью. Она ясно представила, как незнакомец, склонившись над ней, говорит обеспокоенным пассажирам, что позаботится о ней сам.

Они миновали остановку. Пересекли площадь. Остановились. Надя прерывисто дышала, жадно лоя ртом воздух. Слезы и страх мешали сосредоточиться. Девушка сморгнула слезинку и замерла. Они стояли у пешеходного перехода. Кровавый глаз светофора насмешливо подмигнул Наде. Если она сейчас вырвет свою руку из его тисков, воспользуется его замешательством, бросившись на ту сторону дороги, то выиграет у незнакомца несколько секунд. Затем она вскочит на подножку любого автобуса и будет спасена!

Надя рванулась. Нога соскользнула, и, потеряв равновесие, девушка упала на дорогу. В какой-то миг она успела заметить надвигающуюся кабину автобуса, испуганное лицо шофера, услышала одновременно визг тормозов и свой крик. Девушку сильно ударило и отбросило на середину дороги.

II

Где-то далеко нарастал шум, неумолимо приближался, и вот уже можно различить голоса людей. Надя с трудом разомкнула веки и встретила со взглядом голубых глаз.

– Детка, ты в порядке?

Хотела ответить, но не смогла, звуки застряли в горле. Рядом суеилась крикливая женщина. Истерически всхлипывая, она говорила визгливым голосом, обращаясь то к собравшейся толпе, то к Наде.

– Сама, сама кинулась! Подождала, пока подъедет, да так и свалилась мешком под колеса. Шофер бедный, до сих пор в себя прийти не может...

Надя приподнялась на локте и испуганно посмотрела на незнакомого парня, сидящего перед ней на корточках.

– А я сразу увидела, глаза у нее какие-то ненормальные, так и бегают, так и бегают...

Назойливый голос упорно лез в уши. Незнакомец нагнулся и помог Наде встать. Ноги не слушались, и девушка повисла на его руках, взглядом умоляя о помощи.

По лицу незнакомца пробежала легкая волна. Он нагнулся и поднял Надю на руки.

– ... и за ней бросился. Ну, думаю, все. Оба разом! Да успел все-таки ее вытолкнуть, а сам...

Надя с трудом воспринимала происходящее. Все тело ее невыносимо болело, но слабость постепенно проходила. Она взглянула на своего спутника и поразилась его красоте. Невольно залюбовалась его строгим, мужественным лицом. Инстинктивно прижалась к его груди как к щиту.

Сзади нарастал шум. Надя напрягла слух и задрожала.

– Оставьте! Что с них возьмешь. Сразу видно – наркоманы.

Девушка облегченно вздохнула, эти слова не имели к ним никакого отношения. Незнакомец опустил ее на скамейку и сел рядом. Надя попыталась улыбнуться.

– Спасибо Вам.

Голос ее дрогнул, она уткнулась в его плечо и заплакала.

Пережитое волнение лилось и лилось из глаз спасительными слезами. Незнакомец не успокаивал ее, и девушка была благодарна ему за предоставленную возможность поплакать.

«Какой он благородный», – думала Надя, вытирая платком лицо. – «Ни о чем не спрашивает, не упрекает... А я реву как дура».

Надя напрягла память, голова загудела, к горлу подступила тошнота. Она ничего не помнила. Девушка подняла заплаканное лицо и с надеждой посмотрела на незнакомца. Может он все объяснит? Но спросить не успела. Незнакомец поднялся, рванул замок куртки. Надя залюбовалась его спортивной фигурой. Для себя отметила, что парень не так прост, раз в целях защиты обзавелся ножом. Именно его блестящую рукоятку заметила она за широким ремнем своего спутника в тот момент, когда он доставал зажигалку.

Незнакомец прикурил. Не сводя глаз с девушки, присел на корточки. Надя улыбнулась, польщенная его вниманием.

– Можешь идти, детка!

Дым его сигареты лохматыми кольцами закачался в воздухе.

Надя с готовностью встала, несмотря на слабость, двигаться она могла без посторонней помощи. Незнакомец завладел ее рукой, и девушке стало тепло и надежно. Надя тихо засмеялась. Прежде чем уйти, оглянулась назад. Толпы на дороге не было. Светофор ласково подмигнул девушке красным огоньком. Надя хотела спросить, куда они идут, но передумала. Ей нравились установившиеся между ними отношения. Казалось, что они понимают друг друга без слов. Что их молчаливое согласие овеяно романтикой и загадочностью.

Незнакомец остановился так внезапно, что Надя едва не упала. Асфальтированная дорога закончилась. Дальше, виляя по пустырю, шла песчаная тропинка и упиралась в полуразрушенные, давно заброшенные склады. Немного правее пролегла дорожка, посыпанная мелким гравием. Она вела в глубь улицы, только что заселенных новостроек. Среди этих пышущих новизной домов обращало на себя внимание небольшое кафе, мигающее яркой вывеской. Стайка девушек, весело щебеча, пронеслась мимо. Надя поймала восхищенный взгляд, брошенный в их сторону, улыбнулась и взглянула на спутника. Как прекрасный его профиль в лучах заходящего солнца!

Почувствовав на себе ее взгляд, незнакомец медленно повернулся. На его лицо упала тень сгущающихся сумерек. Вечерело.

– Ты действительно хочешь знать, что я хочу?

– Конечно!

Надя засмеялась и шагнула на дорожку, посыпанную гравием, увлекая за собой спутника.

Подарок

Когда-то праздники больше радовали меня. В детстве с нетерпением я ждала свой день рождения и Новый год. Подарок для меня был сюрпризом, неожиданностью и чудом.

Теперь, в угоду экономии семейного бюджета, подарки на всю семью я покупаю сама. Праздников стало больше: дни рождения дочерей, мужа, очередная годовщина свадьбы. Косяком летят праздники родственников, которым тоже хотелось бы получить свою долю радости и не быть забытыми.

Раньше меня могли бесконечно осчастливить полевые цветы, робко даримые моим будущим мужем. Сейчас он тоже дарит цветы. Исключительно по праздникам. Всегда одни и те же – гвоздики. Зато подарки себе любимой я выбираю сама. Потом муж их дарит мне, а я изображаю восторг и блаженство. Получается немного наигранно и фальшиво. Но мой муж такой непрактичный, он обязательно купит вещь, совершенно непригодную в хозяйстве. Эта мысль мне невольно

сима. Бюджет нашей семьи не позволяет пустых затрат. Кто растит трех дочерей, тот меня поймет. Я вздыхаю. Приходится жертвовать своими интересами и маленькими радостями.

Завтра 8 марта. Один из немногих женских праздников. И еще одна возможность получить подарок, внимание и любовь. Я тороплюсь, стараюсь не обращать внимание на цоканье своих каблучков (опять-таки из соображений практичности), обутых в железные стаканчики. Кругом пестрят вывески-заявлялы. Мне нужен среди этих бесконечных продовольственных ларьков и магазинов бытовой техники, больше похожих на загроможденные закутки, магазин «Галантерея». «Срочный ремонт обуви» – не надо, слишком дорого. «Изготовление ключей» – ни к чему. Стоп, здесь что-то новое – «Ательс». Надо запомнить и как-нибудь заглянуть, обычно в только что открывшихся заведениях цены ниже. Где, наконец, магазин «Галантерея»? Если мне не изменяет память, на той стороне улицы раньше было что-то похожее. Я спешу, очень спешу.

Я не могла забыть! Где-то здесь. После аптеки. Нет, аптека немного левее. Какой дурак поставил свою машину на тротуар? Скоро на лестничной площадке оставлять начнут. Что за чертовщина, куда я зашла? Это место мне незнакомо. Вероятно, взяла немного правее, чем рассчитывала. Пожалуй, мне лучше вернуться обратно, не хотелось бы опоздать к обеду. Вместо этого углубляюсь в лабиринт улочек. Чем дальше иду, тем больше меня одолевают сомнения. Наконец, мое беспокойство перерастает в уверенность: я заблудилась. Невероятно, конечно, но факт.

Я живу в этом районе пятнадцать лет и могу поклясться, что знаю его как свою квартиру. Тем не менее блочных пятиэтажек и детского сада я не припоминаю. Хорош тертый калач, заблудилась в трех соснах.

Досадуя на себя, прибавляю шаг. Нужно у кого-то спросить дорогу. Впереди меня идет высокая, стройная женщина, одетая в слишком короткую юбку, впрочем, с такими ногами она может себе это позволить. Женщина ведет за руку мальчика, такого худенького, что трудно с уверенностью определить возраст. Я догоняю их.

– Извините, как мне пройти на Земляничную?

Какое красивое холодное лицо у женщины и как бледен мальчик. Они молчат. Я повторяю вопрос. Никакой реакции. Я начинаю злиться. Терпеть не могу такой тип людей: холодны, высокомерны. Ты обращаешься к ним, рассыпаешься в любезностях, извиняешься за беспокойство, а они даже взгляд на тебя не бросят. Женщина, видимо, устала смотреть куда-то выше моей головы, повернулась и потянула за собой мальчика. Но не тут-то было, выдали мы таких снобов, но и мы вам не бараны.

– Постойте! – хватаю женщину за руку, холодную, как мрамор. – Я только хочу узнать, как мне пройти на Земляничную. Пожалуйста. Я, кажется, заблудилась. Похоже, каким-то невероятным образом попала в Дедово.

Дедово – наш новый район, за рекой. Я ни разу не была там, как-то

не приходилось. Женщина, наконец, удостаивает меня взглядом. Оказывается, красивые лица тоже бывают неприятными.

– Заблудилась, – то ли спросила, то ли подтвердила она, и от ее безучастия мне стало не по себе.

Мы идем рядом. Удивительно, почему я не могу оставить их в покое, а снова убеждаю помочь мне.

– Не лучше ли вам вернуться? – говорит женщина ровным голосом.

– Назад?! – возмущаюсь я (Мы уже прошли не менее квартала, вот уж нет). – Не думаю, что это лучше. (Я выхожу из себя и сержусь на нелепость ее совета). Вы просто покажите мне, в какой стороне Земляничная, и я пойду.

Странно, я совершенно уверена, что женщина знает, где моя улица.

– Покажи, – тихо просит мальчик. Мой неожиданный союзник так изможден, что вызывает в моей душе жалость.

– Показать? – В голосе женщины послышалось возмущение. Она почти кричит. – Почему я должна показывать? Быть может, из-за нас мы оказались здесь!

Невероятно, но я каким-то образом понимаю, что эта красивая, как античная богиня, женщина подозревает во мне соперницу.

Вижу себя со стороны: длинную, нескладную, с мальчишеской фигурой и понимаю, что расклад не в мою пользу. Только я не из тех, кто завидует чужому совершенству. В конце концов не родись красивой, а родись счастливой, а в отсутствие последнего меня вряд ли кто упрекает. И слепо обвинять меня в измене!

Я злюсь и ловлю себя на том, что кричу, не обращая внимания на прохожих.

– Мне и в голову не могло такое прийти! Между прочим, я люблю своего мужа. Мы с ним дружили с шестого класса. Я ждала его из армии. А вы дождались своего? – завершаю тираду вопросом, ответ на который меня совершенно не интересует.

Мы снова идем. Я, наконец, обращаю внимание, как изменился город. Вместо привычных домов – высотные постройки, геометрически четкие и красивые. Что за чертовщина? Пожалуй, мне лучше вернуться. Поворачиваюсь, позади меня, там, откуда я пришла – не мой город. Это даже не мой мир. Мне становится холодно. Где дорога, которая привела меня сюда? Мои спутники тоже остановились, теперь мальчик стоит рядом со мной.

– Хочу вернуться, – сообщаю я ему и, чтобы привлечь внимание, прикасаюсь к его руке. Она холодная и вялая – рука ребенка.

Мы идем. Я тороплюсь, но, несмотря на то, что устала, словно пробежала не один квартал, продвинулись мы незначительно. Мои спутники молчат, но я уверена, что они разговаривают. Атмосфера вокруг нас то пропитана неуверенностью и робкой надеждой, то возрастающим раздражением, грозящим перерасти в скандал. Мальчик и женщина спорят. Обнимаю ребенка за плечи – в нем мое спасение – и снова удивляюсь его худобе. Мы идем, и строения расступаются, открывая нам до-

рогу. Женщина не хочет мне помогать, но и не мешает нам: мне и мальчику. Прижимаюсь к ребенку. Где мой выход?

Перед нами дверь, невероятно древняя, массивная. С нетерпением толкаю ее. За ней – другая, точная копия первой. Ни звука. Тишина такая, что давит на виски. Я прижимаю ребенка к себе. Женщина стоит за моей спиной, и мне это неприятно.

Я снова толкаю дверь, она со скрипом отворяется, и снова я вижу дверь, но сквозь ее щели сочится белый свет. Это мой выход.

– Спасибо, – благодарю я, голоса почти не слышно. Я целую ребенка и чувствую на губах песок. Поворачиваюсь и улыбаюсь женщине, но вижу ее нечетко, здесь слишком темно.

Я толкаю дверь. Нахлынувший белый свет ослепляет меня.

– Когда вернешься, будешь моей бабушкой. – слышу я тихий детский голос.

Свет рассеивается, что-то бесформенное надвигается на меня, постепенно приобретает очертания человеческой фигуры. Надо мной склоняется бледное лицо незнакомого мужчины.

– Хочу домой. – жалуясь я.

Мужчина улыбается, он рад, что я вернулась. Еще хочу сказать о боли, она раздирает мое тело, похоже, меня переехал танк, но мужчина делает мне знак рукой, и я понимаю, что он позаботится обо мне. Пожалуй, он прав, мне нужно собраться с силами. Я закрываю глаза, вслушиваюсь в возвращающиеся звуки города. Я вернулась.

Очарованные сны

– Трудно узнать Госпожу Истину, ее лицо открывается не каждому. Важно помнить, что для Истины нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Как некий факт, который по нашей милости обрастает эмоциями, мнениями, часто предрассудочными и противоречивыми, и тем самым искажается. В результате у каждого своя правда, отстаивая которую, мы почему-то забываем, что Истина одна. Она неизменна. Не подвластна нашему восприятию. По крайней мере, именно такой она мне представляется. Хотя ты понимаешь, что мое мнение – это мнение дилетанта, основанное не на научных, а на личных наблюдениях. А я, как и каждый человек, могу ошибаться, – Екатерина Семеновна замолчала, отхлебнула из чашки и взглянула на меня.

Мы сидим на кухне теплым весенним вечером, пьем липовый чай. За окном суетятся воробьи, облюбовав старую березу, покрытую нежной зеленью. Налетает восток, раскачивает ее ветки, и солнечный луч, заглянувший на наше чаепитие, распадается на игриво прыгающих по столу солнечных зайчиков. Я предлагаю подлить горяченького, Екатерина Семеновна кивает головой и задумывается, помешивая в чашке, ложечку при этом держит двумя пальцами, слегка оттопырив мизинец. Из-за этой ее привычки мой муж называет нашу соседку

чопорной. Я возражаю, мне нравятся наши несчастые, мирно текущие разговоры.

С Екатериной Семеновной я познакомилась, когда мы пересекли в этот тихий приморский городок, зажатый с трех сторон невысокими горами. Она востоковед по образованию и одержима работой. Даже сейчас говорит со мной, а мыслями где-то далеко.

Всматриваюсь в лицо соседки. Сегодня оно отрешенное и необычайно бледное. Ни кровинки, говорят про такие лица в народе. Обычно живые, пронизательные глаза словно подернулись пленкой, даже губы посинели. Я невольно поежилась.

Перехватив мой взгляд, Екатерина Семеновна устало улыбается.

– Все в порядке, Леночка, просто я немного устала.

Она перевела взгляд на свою чашку и замсрла, оставшись наедине со своими мыслями. В воздухе повисла неловкость.

Екатерина Семеновна первая нарушила молчание. Когда она заговорила, слова ее показались мне странными.

– Истина! – произнесла она и усмехнулась. – Да, Истина бесстрашна. Кто из нас не хотел бы видеть ее лицо? Но, как знать, готовы ли мы к этому испытанию. Для меня Истина – покой.

– Покой? – поразилась я.

Екатерина Семеновна резко перегнулась через стол, схватила за руку. На щеках ее выступил лихорадочный румянец. В голове моей промелькнула мысль: не больна ли она. Так необычна и несвойственна, всегда рассудительной и спокойной соседке, была горячность ее слов.

– Покой, моя хорошая, покой. Что может быть необходимей и желанней душе нашей? Вся эта суета, чувства, страсти – ничто в сравнении с Вечностью. Что такое человек – букашка под пятой времени и обстоятельств. Кто и что решает раздавить или помидовать? Для чего мы существуем? Неужели, только для того, чтобы погрязнуть в буднях? Оглянись, много ли пользы от человека. Где наш хваленый разум? Для чего живешь ты? Для чего живу я? Сустимся, бегаем, любим, ненавидим. Ну зачем? Скажи на милость, зачем? Зачем существовать, не видя, не слыша даже себя, не говоря уже – других. Не лучше ли остановиться, замереть, ощутить покой.

Она замолчала и, отпустив мою руку, выпрямилась. Вероятно, вид у меня был преглупый, поэтому, когда Екатерина Семеновна снова заговорила, голос ее звучал мягче, речь стала более плавной.

– Я испугала тебя? Извини. Мне давно следовало объяснить тебе все. Видишь ли, это началось еще осенью, полгода назад. Тогда в мои руки попала прелюбопытная тетрадь. Опущу детали ее появления у меня. скажу только, что когда я увидела этот истлевший набор бумаг, беспричинно заволновалась. Тетрадь была обмотана бечевкой, на которой оказался небольшой нательный крестик. Я освободила ее, мне показалось...

Облизнув пересохшие губы, Екатерина Семеновна впиалась в мое

лицо глазами, странно заблестевшими в стгутившихся сумерках. Почувствовав, что тело мое немеет, а в душу закралось беспокойство, я машинально повернула выключатель. Вспыхнувший свет ударил Екатерину Семеновну. Она поспешно закрыла лицо дрожащими руками. Я не посмела нарушить наступившее молчание. Когда соседка опустила руки, лицо ее было усталым, даже изможденным. Пытаясь как-то поддержать разговор, я спросила, что было в тетради.

— В тетради? — вздрогнула она, — да так... Ничего особенного: предания, заговоры, рецепты напитков и ... небольшой кусочек кожи, заложженный между страницами. Тот, кто писал на нем, видимо, использовал вместо чернил кровь. Небольшое четырехстишие. Странная смесь греческого и старославянского, совершенно лишённые смысла слова.

Екатерина Семеновна снова замолчала, испытывающе посмотрела на меня. Убедившись в моей заинтересованности, кивнула головой и неожиданно издала серию странных звуков, похожих на какую-то мелодию, что-то среднее между пением и свистом, шепотом и всхлипыванием. Лицо соседки озарилось, какая-то неведомая сила овладела ею. Меня охватил страх. Попыталась остановить ее, но не могла, из горла вырвались не слова, а сдавленный стон. Колдовское очарование заговора овладело не только Екатериной Семеновной, но и мной. Не знаю, как долго длилось наше гипнотическое состояние. Что-то сдавило мне грудь, и я на миг потеряла сознание. Видимо, падая, я наделала шума. Очнувшись, я увидела Екатерину Семеновну, склонившуюся надо мной. Она выглядела испуганной. Помогла мне подняться, налила чаю, виновато улыбнулась. Я тоже почувствовала себя неловко, извинилась, ссылаясь на легкое недомогание и духоту. Попросила не придавать этому нелепому обмороку никакого значения и продолжить свой рассказ. Екатерина Семеновна села напротив меня, неуверенно улыбнулась.

— Знаешь, как бывает, когда в душу закрадывается мелодия? — спросила Екатерина Семеновна. Я кивнула и она продолжила. — Ты будешь напевать ее независимо от того, где находишься, чем занята. Я твердила эту звуковую бессмыслицу весь день и чувствовала, что фальшивлю. Мелодия не давалась мне. Только вечером, когда я ложилась спать, у меня, как мне показалось, получилось: чисто и правильно. Помню, мелодия показалась мне не лишённой очарования, какой-то значимости. В тот день я очень устала, засыпая, подумала — «Как хорошо: тишина и покой.» Мне приснился сон. В эту ночь я впервые попала туда. Все краски блекнут, теряются при одной попытке объяснить, что это такое. Думая — это Гиперборея, причем в самом своем расцвете — в Золотой век. Я подумала тогда — это Рай.

На лице Екатерины Сергеевны появился страх, но тут же пропал, взгляд ее замер, словно она уснула с открытыми глазами. Мне стало не по себе, я протянула руку, чтобы разбудить ее, привести в чувство, но голос Екатерины Семеновны остановил меня.

— Яркое солнце. Чудное пение птиц. Ощущение блаженной усталости. Лежу на теплом песке, а ласковая волна обнимает плечи...

Я схватила Екатерину Семеновну за рукав халата. Выглянув из траншеи, она удивленно взглянула на меня.

— Это сон, — попыталась успокоить я соседку.

— Да, сон, — согласилась она. — Знаешь, и я тогда подумала: «Это сон». А во сне нет и не может быть запаха. И в следующий миг произошло что-то странное. Рай замер, как будто чья-то невидимая рука остановила кадр. Затем последовал сильный удар. Ярко вспыхнуло в глазах, я проснулась. Сердце бешено билось, грудь болела. Помню, решила тогда, что сон очень похож на галлюцинацию, вероятно, это был результат переутомления. Я последнее время много работала.

Неожиданно, без всякого перехода, Екатерина Семеновна заговорила о своей, только что законченной работе «Роль богов в жизни римлян». Я обрадовалась такому повороту в нашем разговоре. Мы обсудили детали и расстались, довольные собой, друг другом и этим теплым весенним вечером.

Но, странно, предчувствие надвигающейся беды не оставляло меня в последние дни. Чтобы не делала, беспокойство преследовало меня с удивительной настойчивостью. Наконец, вечером, ложась спать, я решила, что завтра непременно зайду к Екатерине Семеновне.

Рано утром в дверь позвонили. На пороге стояла бледная, испуганная соседкина дочь Ольга. Едва взглянув на нее, сразу поняла — свершилось.

Екатерина Семеновна отошла тихо, во сне. Приславшие по нашему вызову врачи определили остановку сердца. Похороны прошли, жизнь потекла своим чередом. Но, странно, я стала замечать, что все чаще мысли мои возвращаются к последнему разговору с соседкой, и к ее жуткой, но в то же время притягивающей полуулыбке, озарившей предсмертный сон Екатерины Семеновны. Я гнала воспоминания. И когда месяц спустя Ольга принесла мне чемодан с бумагами, оставшимися после матери, я не сразу решилась открыть его. Среди книг и черновых записей, оказалась древняя, изъеденная молью рукопись. То, что это та самая тетрадь, я поняла, как только увидела ее. По телу пробежал холодок, и я, не без колебаний, взяла рукопись. Можете представить мой ужас, когда я почувствовала, что от полуистлевшего кожаного переплета повеяло теплом, протянутой для рукопожатия, руки. Голова закружилась. Стена справа от меня как бы растворилась, и я ясно увидела залитую солнцем поляну. До слуха донеслось пение птиц и шум прироста. На меня нахлынуло непреодолимое желание пробежать босыми ногами по траве, почувствовать ее живительную прохладу и упругость сгибающихся стеблей. Я протянула руку и ощутила тепло солнца, вдохнула свежесть моря, и цапнула. Что-то с силой ударило меня в грудь. Когда очнулась, наваждение исчезло. От удара болела голова и мутило. Огляделась: тетрадь лежала у стены. Я уставилась на нее с суеверным страхом.

В тот же вечер я сожгла рукопись. С превеликой осторожностью стараясь не прикасаться к тетради, поддела на совок и — в ведро. В нашем доме есть небольшой пустырь, поросший редким кустарни-

ком. Одной спички хватило, чтобы истлевшие листья вспыхнули. Мною вдруг овладело беспокойство, быстро переросшее в панику. Я бросилась домой и свалилась без чувств, едва переступив порог квартиры.

Несколько дней после этого проболела, врач сказал, что это уладок сил. Муж удивлённо пожал плечами, но с завидной долей беспокойства ухаживал за мной.

Выздоровев, я не сразу решила идти на пустырь за брошенным там ведром. Меня мучили противоречивые чувства. Стало казаться, что я сделала непростительную глупость, когда сожгла рукопись. Что по моей вине человечество утратило нечто. Но в то же время, в глубине души, зародилась уверенность в правильности моих действий. Да, иначе поступить было нельзя.

Я заглянула в ведро и обомлела. Никакого намёка на то, что в нём что-то жгли: ни копоти, ни сажи. Моё давно уже не новое ведро внутри блестело как зеркало. Захотелось поскорее уйти. Я так торопилась, что почти бежала. Нервы были напряжены. Возникло ощущение, что кто-то смотрит мне в спину. С трудом заставила себя повернуться. На пустыре никого не было. Колени противно задрожали. Я побежала. Ветер, неизвестно откуда взявшийся, донёс до меня тихий смех. Впрочем, это вполне мог быть шелест листвы или шутка моего, ещё не окрепшего после болезни, воображения. А потом пришли сны. Они совпали с отъездом мужа и детей. Вечером, выключив свет, я физически ощутила, как темнота прыгнула и вдавила меня в вязкую, черную пустоту. Мне приснилось: я стою в комнате, на том самом месте, куда бросила злополучную тетрадь. Тихо кругом, ни единого звука с улицы. Вдруг из-под моих ног начинает бить фонтан грязи. В следующее мгновение я понимаю, что стою в болоте, и оно разрастается с невероятной быстротой. Ещё миг, и проваливаюсь в трясину. Меня начинает засасывать. Я кричу, но не слышу своего голоса, царапаю мягкую грязь в отчаянной попытке выбраться. Что-то тяжёлое наваливается на плечи и давит шею. Чувствую, что от ужаса теряю сознание, а вместе с ним и способность сопротивляться. Что-то пытается раздавить меня. Вдруг яркая вспышка перед глазами. Задыхаясь, рвусь из последних сил.

Я в своей комнате и могу поклясться, что в ней омерзительный запах гнили. Здесь кто-то есть, ощущаю чьё-то дыхание. Из-за дрожи в руках с трудом нахожу и поворачиваю выключатель. Комнату залил тёплый свет. Слава Богу, это всего лишь сон. Просто кошмарный сон. Никогда больше не буду есть мясо на ужин. Даже в пот бросило. Но что это? Отчётливо различаю грязь под сломанными ногтями. Больше я не уснула.

Рассвело, и при дневном свете все мои ночные переживания показались нереальными и даже смешными. Вспомнила, что накануне пересаживала цветы. Вероятно, тогда и обломала несколько ногтей. И этот пустяк чуть ли не свёл меня ночью с ума! Весь день я посмеиваюсь над собой. Но с приближением вечера почувствовала беспокойство. Свет не решилась выключить. Но странно, едва коснулась головной подушки, как провалилась в пустоту.

Снова задыхаюсь от страха и слабее. Что-то настойчиво давит меня. Я чувствую его бешеную злобу. Удар в грудь и меня отпускают. Вспышка света. Я просыпаюсь.

Сердце рвётся, глаза заливают пот. Моя шея! Губы замирают в немо-мом крике. Не сразу понимаю, что в зеркале – я. Лицо посинело и опухло, в глазах ужас, вокруг шеи страшный багровый рубец. В голове возникла, перерастая в панику, жуткая мысль. Сон реален! Нет, этого не может быть. Нужно успокоиться, всё это просто бред.

Стараясь не обращать внимания на боль, исследую шею. Что могло оставить такой страшный след? Скорее всего, бечёвка от нательного креста. Я осторожно распутываю верёвочку, смазываю шею и вдав-ленный на груди отпечаток.

Чтобы как -то успокоиться, пью валерьянку. Согрев чайник, завариваю себе крепкий чай. Чуть больше месяца назад мы сидели с Екатериной Семёновой за этим столом. Стоп, как она тогда сказала? «Меня поразила обмотанная вокруг рукописи бечёвка, на которой оказался небольшой нательный крестик...»

Крестик? Догадка поражает меня.

Всё, что я делаю дальше, похоже на продолжение кошмара, вернее на попытку убежать от него.

Долго и горячо молюсь, с надеждой вглядываюсь в глаза Богомате-ри. Я уже приняла решение. Труднее будет объяснить родным, но я не отступлю.

Так ослабла за эти ночи, что с трудом переставляю ноги, ещё не-много, и я у цели. Господи, что это? Смех, тот самый смех, тихий и жуткий. Собираю всё своё мужество, чтобы заставить себя повернуть-ся. Никого. Унылая дорога тянется к горизонту, где в предутреннем воздухе едва угадываются смутные очертания моего городка. Надо идти. ещё не поздно. Последний поворот и – передо мной долина. моё спа-сение.

Силы покинули меня. Опускаюсь на траву и до боли в глазах смот-рю на золочёные купола монастыря.

Медленно поднимается багровый диск солнца, бросая кровавые блики на землю.

Мужегон

Подкормленные, вымытые под душем, цветы приободрились, заиг-рали яркой зеленью.

– А ты что приуныл? Красавчик ты мой, медвежонок плюшевый. – Лариса посмотрела на хилый росток с виноградными листьями, озабо-ченно поковыряла в земле, проверяя, нет ли червяков. Ничего не нашла и задумалась, забавно наморщив нос.

Плющ, в народе называемый мужегоном – надо такое придумать! – Лариса принесла три дня назад. Кто-то выбросил такой шикарный цве-ток в красивом керамическом кашпо из окна. Ничего не скажешь, ве-село справили новоселье в только что заселенной двенадцатизэтажке.

Глиняный горшок от удара раскололся, разбрызгав комья земли. Сломанный стебель и пожухшие листья запорошило снегом. Лариса пожалела дитя тепла и лета и, увязая в снегу, замерзшими на ветру руками долго отряхивала цветок, стараясь не обломать его еще больше. Дома с сомнением осмотрела свою находку.

— Слишком поздно, — подумала, но осторожно опустила земляной ком в ведро, разложила змеевидный стебель по спинке дивана.

— Борись! — посоветовала.

Цветок умирал медленно. Каждый вечер, приходя с работы, Лариса с огорчением выметала совок скрюченных, сухих листьев. Настал день, когда ей пришлось взять ножницы и обстричь стебель, почти у основания.

Только хилый отросток не сдавался, желтея тремя листочками и подрагивая на сквозняке. Лариса категорически запретила детям и мужу открывать на кухне форточку, закрыла цветок литровой банкой и заботливо подкармливала его с ложечки удобрениями.

— Как чувствует себя наш больной? — Заглядывал за занавеску Витя — Ларисин муж и, с сомнением качая головой, возвращался к ужину.

Цветок боролся. Через месяц его жизнелюбие и Ларисина забота были вознаграждены. На гладком стебле появилась почка, и из нее робко выглянул нежный зеленый листочек. Лариса не сразу заметила его, поглощенная домашними проблемами, всколыхнувшими ее уютный семейный мир. В понедельник Витя не вернулся после работы домой. Лариса занервничала, обзвонила родных, друзей. Потом и больницы. Поплакала, не зная, на что еще решиться и незаметно для себя задремала.

Утреннюю тишину квартиры взорвал звонок. Долгожданный муж переступил порог и свалился к Ларисиним ногам. Он был пьян.

Потом были извинения, слезы, примирение.

Дни шли своим чередом, приносили и радости, и огорчения. Плющ вытянулся, набрался силы и устремился вверх по натянутой для него на стене леске. Его сочная зелень оживила интерьер кухни, облагородила в мелкий цветочек обои.

Лариса радовалась, заботливо протирала губкой пыль с каждого листочка, рыхлила землю, удобряла. Разговаривала и даже делилась, как с другом, своими проблемами. Очень огорчало ее поведение мужа.

Прошло время, когда Витя, смущенный, отворачивался, спешил скрыться в спальне. Теперь все чаще, глядя мимо нее остекленевшими глазами, он против чего-то протестует, ругается и все реже позволяет уговорить себя и уложить спать. Квартира, с приходом мужа, наполняется отвратительным запахом пьяного перегара.

Лариса вытерла слезы. Что с ним? Что ему не хватает? Как помочь Вите? Вчера опять не пришел ночевать. Уже утро, а его все нет. В прихожей, отвечая на ее жалобы, хлопнула дверь. Послышалась возня, падение. Лариса сорвалась на помощь и упала, встреченная пинком ноги. Боль разлилась по телу, недоумение сменилось смятением, когда муж,

с отупляющей яростью, стал наносить удары, один за другим. Последнее, что запомнила Лариса — глаза испуганных, сжавшихся в проеме комнаты, детей. Она попыталась что-то сказать окровавленным ртом и потеряла сознание.

Через месяц, выписавшись из больницы, Лариса подала на развод. Муж плакал, тихий и подавленный. Говорил, что бросил пить. Он состарился и сник, и все ловил ее взгляд глазами больной собаки. Лариса жалела его, но простить не могла. Каждый раз, когда она готова была шагнуть ему навстречу, прижать его голову к своей груди, перед глазами вставал образ детей, испуганно сжавшихся в дверном проеме, и тонкая струйка слюны, тскущая из кричащего рта дочери.

После развода Лариса с детьми временно пересекла к маме и с энтузиазмом занялась разменом квартиры. Разъехались быстро. Мужу досталась неплохая комната в малосемейной коммуналке, Ларисе — двухкомнатная квартира, правда, на окраине и в доме старой планировки.

Любопытная соседка ахнула, заглянув к новоселам, в тот момент, когда усталая Лариса заботливо поправляла на стене плющ. Она уклонилась от просьбы одолжить отросток и ласково тронула пальцем прохладную поверхность листа. Как-нибудь в другой раз. Соседку звали Ниной. Невероятная болтушка, она уже на второй день знакомства со смехом и прибаутками привела смущенную Ларису в гости, познакомила с дочерьми и мужем Сергеем.

Незамтно Лариса втянулась в шумный, веселый круговорот Нининых увлечений. Они подружились. Их дети оказались одноклассниками и быстро нашли общий язык.

Иногда пили чай у Ларисы. Очарованная цветком, Нина не упускала случая высказать свое восхищение. Но когда она при этом протягивала руку и касалась темно-зеленой ладони листа, Лариса чувствовала легкий укол ревности.

— Отломать! — сердилась она после ухода соседки. — Выдумала тоже. Отломать от живого! — Лариса гладила блестящую зеленую гирлянду.

Они перестали пить чай на кухне, а за соседкой был установлен негласный надзор. Для Нины и ее детей порог кухни превратился в пограничную зону. Впрочем, свои дети тоже были строго предупреждены и держались подалеже от цветка, отказываясь, даже во время обеда, сидеть в непосредственной близости от него.

Постепенно стена, на которой расположился плющ, опустела. Были перевешаны кашпо с другими цветами, нашлось другое место и для часов. Лариса отодвинула обеденный стол, чтобы дети случайно не обломали цветок, а на его место поставила старенькое кресло, подарок мамы. В нем она любила отдыхать. Закрывала утомленные от чтения глаза, откидывалась на спинку кресла и дремала в зеленых объятиях свисающих веток.

Она видела удивительные сны. Гамма красок и оттенков: от чистого белого до золотистого желтого, от нежного голубого до огненно-крас-

ного. И сама она то плыла на волне покоя, то пылала страстью. Но, проснувшись, она не могла восстановить порядок сновидения. Помнила что-то смутное: взгляд черных влюбленных глаз, глубокий голос мужчины, его руки... Или это листок прижался к щеке, бархатный и нежный?

Сны целительно действовали на душу. Возникало чувство покоя, заботы и тревоги уже не так волновали и расстраивали, а со временем удачно разрешались. Лариса стала спокойней, уверенней в себе. К ней, раньше такой замкнутой, теперь потянулись люди. Она обросла новыми знакомыми. Но не забыла и старых друзей.

Как-то вечером зашла к Нине. На ее голос соседка откликнулась из спальни, где разбирала полки в шкафу. Лариса пошутила, перешагнув порог комнаты и осеклась. Случайно брошенный на подоконник взгляд омрачился, губы строго сжались. Там, в красивом керамическом горшке, нежилась под лучами солнца светло-зеленый отросток плюща.

Нина виновато оправдывалась.

Лариса смотрела на тоненький стебелек цветка и чувствовала себя как человек, у которого что-то отняли.

– Он не любит прямого света, – сказала строго и, не дослушав Нину, ушла.

– Как будто я украла у нее драгоценность, – жаловалась за ужином мужу Нина. – Смешно даже, из-за цветка. А как посмотрела на меня! Будто я преступница! Раз так, пусть забирает. Не нужен мне ее цветок.

Время шло, и инцидент сам исчерпал себя. Но в отношениях Ларисы с соседкой исчезла прежняя легкость.

Наступила весна, а вместе с ней и особое состояние души, приподнятое настроение, желание общаться и нести людям радость.

Лариса, обвиняя себя за холодок в отношениях с приятельницей, решила поправить дело. Тут и повод подвернулся – в апреле исполнилось два года, как Лариса с детьми поселилась в этом доме. На звонок никто не вышел. Озадаченная Лариса только сейчас заметила, что дверь неплотно прикрыта. Она толкнула ее и переступила порог.

В квартире соседки была та особая атмосфера, которая бывает в помещениях, где находятся тяжело больные люди. Пахло лекарствами, задернутые шторы рассеивали солнечные лучи. В комнатах царил полумрак. Лариса удивилась было, где дети? Но вспомнила, что они уехали в санаторий, путевку в который выхлопотала энергичная Нина. Скрипнула половица, Лариса испуганно замерла. Тишина. Соседку Лариса нашла в детской, куда заглянула в последнюю очередь. Нина, обняв колени руками, сидела на диване.

– Ты! – взвизгнула соседка и ткнула в сторону открытой двери пальцем. – Ведьма, – выдохнула, и глаза ее заблестели тем особым блеском, который предшествует истерике. – Ведьма! Ведьма! – обвиняла онемевшую Ларису. – И цветок твой чертов!

Внезапно какая-то идея возникла в ее голове, и она рванулась. Упала с дивана, некоторое время ползла на четвереньках, у шкафа с трудом встала, цепляясь за ручки на дверцах, и, качаясь, пошла на Ларису.

которая инстинктивно отступила и прижалась к стене. Нина замерла, держась за косяк, постояла с минуту и, оттолкнувшись, опрокидывая на своем пути вещи, устремилась в спальню. Ларису обожгла догадка: «Пьяна»!

В комнате раздался треск раскрываемого окна.

– Господи, помилуй! – вырвалось у Ларисы, и она бросилась вслед за Ниной.

Соседка билась с закрытой рамой и, справившись, с треском распахнула окно.

– Нет, нет! – закричала Лариса и, холодея, навалилась на плечи безумной, стараясь оттеснить ее от окна. Нина, поняв все по-своему, визжала и царапалась. В какой-то момент ей удалось справиться с Ларисой и оттолкнуть ее в глубь комнаты.

– Не выйдет! – закричала соседка, брызжа слюной, – Ничего у тебя не выйдет! – Она схватила горшок с плющом и с силой метнула его в окно.

Плющ стремительно падал, разметаив зеленые крылья. Две пары глаз неотрывно следили за его полетом: Ларисины – с недоумением и жалостью, Нинины – с явным удовольствием. Удар о землю расколол керамический горшок на кусочки. Земля черной кровью брызнула во все стороны. Плющ лежал на снегу, и Ларису в какой-то миг обожгла боль. Рядом, предавшись отчаянию, тоненько выла Нина:

– Сереженька! Сереженька! – с горечью повторяла она.

Лариса привела притихшую и обессиленную соседку в кухню, усадила на стул.

– Ниночка! Ну разве можно так! Себя пожалей, детей, – уговаривала Лариса, отпаивая ее холодным чаем.

Соседка уже припила в себя и, жестом отказавшись от чая, подняла на Ларису красные глаза, жалобно сообщила:

– Ушел... – И заплакала, уткнувшись в Ларисино плечо.

Поздним вечером Лариса вышла на улицу. Успокоенная Нина, выпив весь запас валерьянки, спала на Ларисином диване. Сон дал ей кратковременную передышку. Быть брошенной женой нелегко, но она справится.

Лариса сделала глубокий вдох, свежий воздух влился в грудь. Пахло весной. Она заторопилась. Там за домом погибал цветок, он ждал ее помощи. Вот это место: береза, керамические осколки, застывшие комья земли. Но плюща нигде не было. Лариса пригляделась и увидела следы человеческих ног.

Полгода спустя, тихим вечером праздновали Нинин день рождения. Гостей не приглашали, пили чай вдвоем. В центре стола стоял керамический горшок с плющом – подарок Ларисы. В прихожей дробно зазвенел звонок, нарушая их спокойно текущую беседу.

– Кого там принесло? – удивилась Нина и нехотя встала из-за стола.

В коридоре послышались восклицания, радостная возня.

– Брат прискал! – закричала Нина.

– Не суетись, сестренка, – послышалось.

Лариса вздрогнула. Что это?! Во сне или наяву она услышала этот голос. Голос – ставший родным. Шаги приближались. У Ларисы закружилась голова. Глаза! Какие у идущего к ней глаза? Они черные, как у плющевого медвежонка?

Липочка

Идет второй час полета. Монотонно гудят двигатели. В салоне самолета душно. Алексей вжался в спинку кресла в безуспешной попытке побороть быстро нарастающую боль. Он приоткрыл свинцовые веки, осторожно пошевелился, пытаясь придать телу более удобное положение.

– Что? – встрепенулась Регина. – Опять?

Алексей взглянул на расстроенную девушку и изобразил улыбку, которая была настолько вымученной, что не успокоила, а еще больше встревожила его спутницу. Он проглотил очередную таблетку. В голове гигантский колокол, раскачиваемый болью, гудел на высокой ноте. Минут через десять приступ пройдет, а пока нужно отвлечься.

Алексей подумал о предстоящей экспедиции, о предстоящем одиночестве, о предстоящих ... Когда боль, наконец, отступила, он провалился в спасительный сон.

Регина с нежностью поглядывала на уснувшего Алексея. Зная, что его болезнь обостряется весной и осенью, она подсказала ему идею экспедиции, надеясь, что смена обстановки и лесной воздух будут благоприятны для него. Она пожертвовала бы многим, да что там многим – всем, только бы Алексей поправился ...

На базу прибыли к обеду. Алексей настоял, чтобы вздоход немедленно доставил его к озеру. В то время, как основная группа проведет геологическую разведку на равнине, он займется изучением небольшого лесного водоема в восьмидесяти километрах от базы.

Алексей почувствовал облегчение, когда вздоход, сердито урча и вставая на дыбы, преодолел бугор и скрылся из вида. Проглотив очередную пилюлю, он постоял, прислонясь к серой стене избы, и, пересилив боль, принялся разбирать ящики с оборудованием.

К концу месяца Алексей почувствовал себя лучше. Редкие приступы не мешали работе, а одиночество компенсировалось общением с природой. Исследуя берег озера, он наткнулся на небольшой грот. Почва здесь была илистой, в воздухе висел сильный запах плесени.

Изучая образец, Алексей с удивлением обнаружил частицы отмершей микрофауны, неподдающейся классификации. Он был так захвачен этим открытием, что прозевал начало приступа и вынужден был отложить работу, а образец поместил в стеклянный сосуд, именуемый аквариумом.

Утро следующего дня выдалось ветреное и холодное. Растапливая печь, Алексей прислушивался то к нарастающей, то затихающей боли.

Приступы теперь были короткими и не настолько мучительными, как до приезда сюда. Горный воздух явно пошел ему на пользу.

— Черта с два свалишь, — упрямо бормотал он и, чтобы повлиять себе и своему недугу кто хозяин тела, сел за стол с твердой решимостью поработать. Пришла пора привести в порядок записи, систематизировать и пронумеровать образцы. Боковым зрением он уловил шевеление в аквариуме. Там двигалось небольшое насекомое. «Паук», решил Алексей. — Наверное, занес с образцом. Почва оттаяла, он и проснулся».

Но внимательно рассмотрев предполагаемого паука, он засомневался. Небольшое круглое тело скорее походило на комок слизи темного-коричневого цвета с множеством отростков по бокам. Странное существо медленно фланировало, едва касаясь поверхности. Это зрелище так захватило внимание Алексея, что он не заметил, когда прошла боль.

На протяжении двух последующих недель существо вело себя до скучного однообразно. «Паук» не рос, хотя поедая немало ила, который Алексей приносил ему из грота, много спал и не склонен был к движению. При прикосновении сжимался в слизистый шар. Впрочем, трогать лишний раз «паука» не хотелось, вид у него был отталкивающий, а отвратительный запах вынудил Алексея как можно реже поднимать крышку аквариума.

Вскоре погода установилась, и он возобновил прерванную из-за дождей работу. Особенно его интересовали гроты на берегу озера, исследование которых дало много любопытного. Как-то он набрел на пещеру со сталактитами и, обходя ее, забыл о времени. Домой вернулся поздно, едва держась на ногах от усталости. Прошел по сумрачным сням, тяжело ступая. С усилием потянул на себя скрипучую дверь. С единственным желанием отдохнуть, Алексей перевалился через порог в избу. Шагнул в комнату и замер.

Аквариум был разбит. Его мелкие куски разлетелись по комнате. Из-под стола выползло Нечто, напоминающее краба.

Если зрение ему не изменяет, подумал Алексей, то это его «паучок», но увеличенный в размерах раз в пятьдесят! Его «паучок»?.. Но живому существу, каким бы оно не было, вырасти за двенадцать часов до таких размеров невозможно. Тогда это галлюцинация, или плод его воображения. Ведь сходят же люди с ума от одиночества...

Пока пораженный Алексей пытался разобраться в происходящем, существо приближалось к нему, распространяя запах плесени.

Нет, это не бред, он здоров. А существо так же реально, как и он сам. И провалиться ему на месте, если это не его «паучок»! Круглое, все покрытое слизью тело, множество отростков по бокам, два из которых — длиннее остальных и расположены ближе к спине — были угрожающе подняты и напоминали клешни рака.

Алексей испугался. Он почувствовал, что Нечто, не имеющее биологического названия, смотрит на него. Изучает! Смотрит?.. Но у существа нет глаз. Алексей попятился. Оно прыгнуло и ныкнулось, забрызгав лицо слизью, на его голову.

Алексей отчаянно сопротивлялся. Пытался сбросить с головы ата-

ковавшую его мерзость. Что-то шершавое проползло за уши. И все исчезло ... Нет, Алексей ни на мгновение не терял сознание, он просто устало опустился на скамью. Исчезло желание сопротивляться. Исчезло чувство омерзения. Исчез страх ...

Это Нечто на его голове разве не так же естественно, как шляпа или другой головной убор, подумал Алексей. Он поднялся и медленно пошел к столу. Ничего не произошло. Он мог заниматься своими делами.

Нечто, что получило название Прилипало, не мешало ему. Правда, легкое раздражение вызывало то, что голова была слегка сдавлена, покрыта слизью и имела неприятный запах. Отучить Прилипало от привычки использовать его голову, как насест, оказалось непросто.

Алексей обследовал крабообразного и отметил, что оно больше походило на гриб с отростками, напоминающими дождевых червей. Глаза отсутствовали. В радиусе метра от Прилипалы распространялось вибрирующее тепло, именно оно приподнимало существо над полом и служило средством передвижения.

Со временем они привыкли друг к другу. Прилипало освоился и все реже пользовался головой Алексея. Наблюдая за ним, Алексей убеждался в его дружелюбии и в какой-то болезненной преданности. Он и сам рядом с этим существом почувствовал себя значительней.

Длинными осенними вечерами Алексей разговаривал с Прилипалой. Странные это были беседы. Алексей садился на скамью, а в метре от него зависал, втянув в себя отростки, Прилипало. Он оказался прекрасным собеседником, внимательным и чутким. В то время, как Алексей пересказывал события своей жизни, невольно осмысливая и переоценивая их заново, Прилипало выражал свое отношение к услышанному, меняя окраску от розового до темно-коричневого. В такие минуты Алексей мог поклясться, что его питомец разумен.

Алексей обследовал большинство гротов на берегу озера, отдавая работе в пещерах большую часть времени. Домой приходил поздно и моментально попадал под неусыпное внимание Прилипалы, трогательная забота которого не переставала удивлять. Перед сном Прилипало, повисая над его постелью, грел простыни. При появлении даже легкой боли, шлепался на голову Алексея и избавлял от приступа. Жаль только, что при этом все кругом оказывалось забрызгано бесцветным желе.

Алексей ворчал, вытирая стол от слизи. Прилипало суетился рядом, всем своим видом показывая, что его это не касается. Не день и не два пришлось потратить на то, чтобы приучить его к аккуратности. Наконец, Прилипало перестал оставлять следы на столе и одежде, оставил в покое посуду и воду для питья, но ввел в свои обязанности сушку обуви.

За этим занятием Алексей и застал однажды своего питомца. Он долго наблюдал за тем, как тот спует над сапогами и, не выдержав, рассмеялся:

--Ладно, Липочка, оставь, девочка. Сами высохнут.

Новое имя прижилось.

Между тем время шло, и предстоящий отъезд не радовал Алексея. Не раз, лежа без сна, и, глядя в темноту, Алексей думал о дальнейшей судьбе Липочки. Он не мог взять ее с собой, но и расстаться с ней, он чувствовал это, будет нелегко ...

Головные боли почти прекратились. Он перестал раздражаться и ворчать. К нему вернулось состояние ранней молодости, когда душа полна надежд и замыслов.

В день отъезда Липочка легким дуновением разбудила Алексея рано утром. Все валилось из рук. Волнение передалось и Липочке. Она жалась к ногам Алексея. Наступил полдень, через час за ним приедут.

Алексей сел на собранный рюкзак и протянул руку:

– Липочка, иди ко мне, детка.

Руку нежно обволокло теплом.

Он долго говорил, пытаясь убедить не столько Липочку, сколько себя в неизбежности разлуки.

Поверхность грибка заволновалась и потемнела. Алексей физически пережил чувства, переполняющие Липочку, от растерянности и нежелания верить, до смятения и боли. Только сейчас он до конца понял, насколько дорого ему стало это существо. Где-то в глубине души появилась гаденькая мысль, что он попал в зависимость и не сможет жить без грибка. Алексей гнал эту мысль, страшно злясь на себя.

– Иди же, иди, – торопил он Липочку и плакал.

Наконец она медленно, с усилием отталкиваясь, поплыла к озеру. Алексей перестал ощущать волны вибрирующего тепла, и сердце его тоскливо заныло. Он вскочил на ноги, еще метр-полтора и вода навсегда скроет от него грибок.

– Я вернусь, Липочка, я обязательно вернусь!

Липочка замерла на мгновение и скрылась в зеленоватой воде озера. Алексей почувствовал себя совершенно опустошенным. Он опустился на серый камень, густо поросший мхом, и уронил голову на руки. Навалилась усталость. В затылке снова зашевелилась боль.

– Прости меня, Липочка, я ... предал тебя. Предал дважды... Сначала, когда отослал тебя от себя... потом, когда пообещал, что вернусь...

Алексей говорил и говорил. Он не видел, как чья-то тень появилась справа от камня. Перед тем, как потерять сознание, ученый почувствовал сильный удар по голове.

Очнулся он от холода, покачиваясь, поднялся. Голова не болела, а тело наполнялось небывалым приливом сил.

Регина нашла Алексея на берегу.

Они уходили от озера, крепко держась за руки. Алексей не оглянулся и не увидел в тени серого камня бесформенный грибок, с безжизненно отвисшими отростками.

Рассказы для детей
из книги
«Таки и его друзья»

День отъезда

Мама купила Зайке путевку в санаторий «Зайчишкина капуста», и сегодня она уезжает. Ей немного страшно, но и любопытно: другая роша, новые знакомые.

Она сама, без посторонней помощи, собрала вещи. В розовый чемодан аккуратно положила свои любимые: зеленый, голубой, белый и желтый банты, потом расческу, мыло, зубную пасту и щетку. Подумала и добавила панаму и солнцезащитные очки. «Уже конец зимы, – рассудила она, – весной могут пригодиться».

Приближение теплых дней озадачило Зайку. Уезжает она сегодня, то есть зимой, когда кругом еще лежит белый–пребелый снег. А вернется домой весной, когда снег тает. Во что одеться? В белую зимнюю шубку или в серую – весеннюю.

«Если будет жарко, а я приеду в белом, то буду выглядеть глупо, – решила Зайка и выбрала серую шубку. Но тут же засомневалась. – Если будет холодно?..»

Она сердито отбросила серую шубку и взяла белую. Взглянула на нее и совсем растерялась. Выбрать оказалось нелегко, как нелегко предугадать погоду. Зайка еще подумала и решила взять обе шубки. Холод или жара не застигнут ее врасплох.

Она застегнула чемодан и присела на диван. Прикрыла глаза и замечталась о том, как расскажет новым друзьям о своей прекрасной роше, о поэте Таки и рассудительном Косе, а еще о...

– Доченька, пора, – раздался ласковый мамин голос.

Проводить Зайку пришли все ее друзья. Тоби принес огромный букет березовых веток. Кося подарил заботливо свернутый капустный лист. Таки застенчиво топтался под вопросительным взглядом Зайки, наконец решился и протянул ей сложенный лист бумаги. Зайка смутилась и, немного зайкаясь, прочитала:

Наша Зайка уезжает.

Ну, а может уплывает.

Ну, а может улетает,

Или просто покидает нас она.

Но когда зима растает,

Солнце все снега расплавит,

И когда весна нагрянет,

Запост и заиграет,

Вновь вернется к нам она.

Зайка вытерла капустным листом наворачившиеся слезы.

– Ах, Таки. Конечно, я вернусь. Я скоро вернусь! Я буду вас вспоминать, – обещала она из окна отъезжающего автобуса.

– И мы будем! И мы будем вспоминать тебя, Зайка! – кричали друзья.

Автобус, подпрыгивая на ухабах, скрылся за поворотом.

– Нам будет не хватать ее, – вздохнул Кося, а Гаги заплакал.

– Да... Мы всегда были вместе, – сказал Тоби. – И вот Зайка уехала.

– Придумал! – закричал Таки.

Все посмотрели на поросенка. Таки зажмурился от удовольствия и громко продекламировал:

Чтоб по Зайке не скучать,

Надо Зайке написать!

Все закричали: «Ура!» А Гаги перестал плакать. Они побежали домой, представляя, как обрадуется Зайка, когда приедет в незнакомую рощу, а там ее ждет письмо от друзей.

Ссора

Тоби пригласил Гаги в гости. В назначенное время гусенок пришел.

– Что мы будем делать? – спросил Гаги, когда они попили чай с вкусными-превкусными пирожками.

– Давай играть, – предложил Тоби.

– Во что?

– Ну, не знаю... – Тоби задумался. – Вот тут у меня есть кубики, машинки. – Он достал из-под стола ящик и высыпал на ковер игрушки.

– Ой, киндер-сюрприз! А у меня тоже есть такой бегемотик. Чур, я с ним играю! – Гаги потянулся к игрушке.

– Не трогай! – закричал Тоби. – Этим мы играть не будем.

– Почему? – огорчился Гаги, глядя, как Тоби убирает игрушки, в которые они не будут играть.

– Потому что я придумал другую игру, – объяснил Тоби. – Значит так. Ты будешь гангстером...

– А почему я?

– Ну, я же первый предложил.

– Хорошо, но только один раз, ладно?

– Ладно, – согласился Тоби.

Они разделили кубики и машинки. Каждый построил себе дом. У Гаги дом получился высокий, с башенками. А у Тоби дом напоминал крепость, с узкими щелями вместо окон.

– Что это? – фыркнул Тоби, – у гангстера и такой дворец?! У-у-ура! – неожиданно закричал он и бросился вперед. – Бей гангстеров! Бей злодеев!

Не успел Гаги возразить, как его домик превратился в грудку кубиков. Тоби прыгал на развалинах бывшего дворца и вопил во все горло:

– Мы злодеев бах, бах!

Превратили в прах, в прах!

Гаги встал и молча пошел к двери.

– Ты куда? – удивился Тоби. – Мы еще не доиграли.

– Не хочу больше с тобой играть и никогда не буду! – Гаги заплакал.

– Подумаешь, домика для друга пожалел. Да я для тебя...

Гаги отвернулся и обиженно засопел.

– Гаги! – бросился вслед за другом Тоби.

Он хотел объяснить, что это всего лишь игра. Но дверь в прихожей громко хлопнула, Гаги ушел.

Родословная

Тоби сидит дома. Он наказан. Бабушка сказала, чтобы он очень хорошо подумал о том, что сделал. И вот Тоби сидит у окна и изо всех сил «хорошо думает».

Как это случилось, что он не удержался и съел кость, приготовленную для гостей? Он, такой послушный и воспитанный щенок. И ведь совсем не собирался Тоби есть эту кость. Он только хотел посмотреть, чем так вкусно пахнет. Косточка лежала на столе и была такой аппетитной. Тоби откусил кусочек.. Такой вкусненький кусочек. Вряд ли бабушка рассердится на него за такой ма-а-ленький кусочек. Бабушка добрая. И Тоби откусил еще кусочек. «Она так любит своего внука», – думал Тоби, откусывая еще один маленький кусочек. Потом еще и еще. А когда пришла бабушка, от косточки уже ничего не осталось. Тоби виновато посмотрел на бабушку:

– Бабуля, это не я, она сама съелась.

Но бабушка сказала, что нехорошо сваливать свою вину на других. А еще сказала, что за свои поступки надо отвечать. Так Тоби был наказан.

Бабушка снова ушла в магазин за сахарными косточками. А Тоби сел у окна, чтобы хорошо подумать. Он думал, думал и решил, что ему, конечно, не следовало съесть косточку, но и бабушка не права, обвинив только его, Тоби. Косточка тоже виновата. Зачем она так вкусно пахла?

Тоби вздохнул. Вот скоро приедут мама и папа. Они привезут много вкусных косточек, целую гору. На всех хватит: и маме, и папе, и бабушке. И даже гостям. И, конечно, никто не накажет Тоби за то, что он съест несколько сахарных косточек.

Родители работают в цирке и часто ездят на гастроли. Тоби тоже, когда подрастет, будет работать в цирке. Папа сказал, что у Тоби есть все данные. И объяснил сыну, что нужно быть послушным, воспитанным, добрым и «высоко нести честь своей породы». Что такое порода, Тоби знал. Все в их семье: и бабушка, и папа, и мама, и он, Тоби, были одной породы – болонками. Тоби покосился на зеркало у стола.

– Симпампулечка моя, – часто говорит ему мама. И Тоби с ней согласен. Он вздохнул, взял расческу и расчесал локоны.

«Да, что не говори, порода – это порода», – подумал Тоби. Настроение улучшилось, и он выглянул из окна.

Как раз в это время мимо пробежал заяц. Он очень торопился и уже порядком запыхался. И то ли от усталости, то ли от того, что скошил в сторону Тоби глаза, не заметил лежащий на тропе камень.

– Ой! – воскликнул он и растянулся во весь рост.

– Ушибся, пушистик? – посочувствовал Тоби.

Заяц поднялся.

– Ага, -- и потер ушибленную лапу.

Он взял камень и, кряхтя, понес его на обочину. Тоби с интересом наблюдал.

– Что это ты делаешь? – спросил он.

– Да вот надо убрать. А то еще кто-нибудь споткнется, – отозвался заяц. Он бросил камень и принялся тщательно отряхивать живот и лапы.

– Ой, как ты испачкался весь, – заметил Тоби. – На спине и по бокам все черное.

– Это не грязь вовсе. Это я сам такой, – покачал головой заяц.

– Какой? – не понял Тоби.

– В пятнышках, – пояснил заяц и принялся разглаживать взъерошенную шерсть.

– Врешь, зайцы не бывают в пятнышках.

– А вот и не вру, – обиделся заяц. – И не заяц я, а кролик. Пятнышки у меня всегда были. Мы вся семья «бабочки».

– Кто? – Тоби не поверил своим ушам. – Ой, не могу! Ба-боч-ки! – Никогда в жизни Тоби так не смеялся. Он даже начал икать от смеха. – Уморил! Ой! Не могу! – заливался Тоби, вытирая лапой выступившие на глаза слезы.

Кролик был невозмутим и спокойно смотрел на щенка.

– А крылья у тебя где? – кричал Тоби.

– Крылья? – удивился кролик. – Какие крылья? Ах, вот ты о чем! – И засмеялся. – Нет, ты меня не так понял. Я не та бабочка, которая порхает с цветка на цветок. Я «бабочка» – кролик. Порода у меня такая.

– Порода? – Тоби перестал смеяться.

– Ну да.

– Ах, порода! Тсперь понял. Так бы и сказал – порода, а то бабочка. Ну и насмешил ты меня. – Тоби икнул. – Ты значит, заяц, то есть кролик из породы «бабочек»?

– Ага. Еще есть «серебристые» и «белые великаны». А я вот «бабочка». Смотри: черные уши, очки, тоже черные и пятнышки здесь по бокам и на спине. Черные на белом. Оригинально, правда? – Кролик хлопал себя лапами и поворачивался так, чтобы Тоби мог его лучше рассмотреть.

– Красиво, – восхищался Тоби.

Закончив себя демонстрировать, кролик скосил глаза на Тоби, с любопытством рассматривая его. Тоби заметил интерес кролика к своей скромной персоне и понял, что пора представиться.

– Я – болонка, – гордо сообщил он. – А зовут меня Тоби.

– Очень приятно, – кивнул кролик. – А меня Кося.

– Ко-ся, – протяжно повторил Тоби. – Ему понравился новый знакомый. Здорово было бы с ним подружиться. – Ты на меня не сердись-ся? – застенчиво спросил он. – Я ведь не знал...

– Да я не обиделся, – махнул лапой Кося. – С кем не бывает по незнанию. – рассудительно продолжал он. – Я тоже раньше про породы ничего не знал. Мама объяснила. И книжку дала прочитать. Там и про вас, про собак есть. То, что ты – болонка, я сразу догадался.

Тоби с восторгом смотрел на Косю, какой он умный и рассудительный.

– Мне опасаться нужно охотничьих собак, – продолжал Кося. – Так и в книге написано.

– А со мной ты можешь дружить?

– С тобой могу.

– Правда? Нет, правда? Вот здорово! Тогда давай... давай поиграем.

– Давай. А во что?

– Во что хочешь, в футбол, например.

– В футбол! В футбол! Выходи скорей!

– Я сейчас. Ой! – Тут Тоби вспомнил, что он наказан. – Я не могу.

И он рассказал Косе почему.

– Обидно, – согласился кролик, выслушав друга, – виноваты оба, а наказали только тебя.

«Хороший он друг – подумал Тоби, – и посочувствует, и поймет».

Тут из магазина вернулась бабушка. Тоби бросился к ней.

– Бабуля, прости! Я больше никогда! Никогда!

Бабушка, конечно, простила его и отпустила гулять. Схватив в охапку мяч, Тоби бросился на улицу. Там его ждал друг. Замечательный друг – кролик Кося!

Таки рассказывает сказки

Посвящаю моему сыну Гусеву Грише

Летом, каждый вторник собирались у Таки. Сегодня все пришли пораньше. Кося, Тоби и Заинька пили чай из маленьких фарфоровых чашек. Гаги сбегал на кухню, принес пышные пирожки. Сбегал во второй раз, принес фруктовый сахар. Сбегал в третий раз, принес пустую тарелку. Поставил ее на стол, сам сел в кресло и прикрыл глаза. Заинька покачала головой и спросила:

– Что случилось с Гаги? Он какой-то странный.

– За друга переживает, – ответил Кося.

– Зачем за него переживать? Каждый сам за себя живет, – удивился Тоби.

– Так-то так... – согласился Кося, – Только Гаги не живет за Таки, а переживает. Другими словами, расстраивается за него и за его сказки. То есть я хотел сказать... – Кося не успел договорить, потому что дверь распахнулась и в комнату вбежал Таки. В то время, как Гаги переживал за друга, Таки уговаривал бабочку-капустницу дополнить собой его вечерний костюм. Совсем ненадолго, на час-два, не больше. Наконец она согласилась, и Таки поспешил к друзьям. Он предстал перед ними во всем своем великолепии. На нем были синий костюм, белая рубашка и очаровательная кремовая бабочка на шее.

– Ах! – сказала Заинька.

Таки порозовел, откашлялся и сказал басом:

– Э-э-э. Здравствуйте, друзья мои. Садитесь, пожалуйста.

Все уже и так сидели, поэтому удивились и переглянулись.

– Сегодня я прочитаю вам «Приключения котенка». Вот они, – Таки показал всем тетрадь. Он подошел к столу, сел в свое любимое кресло. Подбежал Гаги и включил настольную лампу. В комнате стало тихо, все приготовились слушать. Таки обвел друзей задумчивым взглядом и начал читать.

Котенок и его приключения

I

Жил–был котенок: с мамой, с папой, с тремя сестрами и с тремя братьями. Однажды они сидели у камина на своих маленьких лавочках, на шерстяных покрывальчиках. Котенку надоело сидеть у камина. Он пошел гулять – взял санки, коньки, лыжи и вышел.

Он вышел и видит: там горка. Покатался. Надоело. Котенок пошел дальше. Видит, там ребята бегают на коньках. Он захотел пойти с ними покататься. Котенок покатался и ушел.

Потом ему надоело идти.

Котенок решил поехать на лыжах. Покатался, надоело. Убрал лыжи и пошел.

II

Идет и идет.

Вдруг провалился в какую–то яму. Упал и видит: в этой яме темно–притемно. Вдруг чей–то голос сказал:

– Кто ко мне пожаловал?

Котенок сказал:

– Это – я, – и спросил, – а ты кто?

– А я – крот, – услышал в ответ.

Крот говорит:

– Ну, если ты ко мне пожаловал, тогда – заходи.

Котенок и крот прошли в большой–пребольшой зал. Крот усадил Котенка за стол, поставил ему покушать и сказал:

– Подкрепимся и поразговариваем.

Котенок и крот поели и вышли из–за стола. Крот повел Котенка в другой зал, только уже поменьше, чем этот. Там были сундуки.

Крот открыл один из них. Вытащил скатерть–самобранку, ковер–самолет, шапку–невидимку, сапоги–скороходы и волшебную палочку. После того Крот предложил Котенку выбрать одну из этих вещей. Котенок выбрал волшебную палочку. Поблагодарил Крота и ушел.

III

Котенок выбрался из ямы и пошел. Идет, идет, вдруг видит, там стоит домик. Котенку захотелось заглянуть. Он зашел в дом, а там всякие вещи: там и стол, там и стулья, там и кровати. В этом доме было четыре

комнаты. Котенок осмотрел все комнаты, никого не оказалось дома. Котенок захотел есть. Он открыл холодильник и взял оттуда покусать. Котенок все это принес на стол и сел.

Когда он поел, захотел спать. Лег на мягкую-прямую кровать. Вдруг Котенок услышал какой-то звук. Вышел посмотреть и увидел, как на этот дом напали злые разбойники.

IV

Самый главный из разбойников закричал:

– Держите Котенка!

Как раз около этого домика росло высокое-превысокое дерево.

Котенок не растерялся и залез прямо на вершину этого дерева. Разбойники выхватили свои топоры и стали рубить дерево. До того дорубили, что оно начало покачиваться. Котенок выхватил волшебную палочку, взмахнул ею и сказал:

– Хочу, чтобы у меня были сапоги-скороходы.

Только сказал, как перед ним оказались сапоги-скороходы. Котенок быстренько их надел и ушел от разбойников.

V

Разбойники захотели Котенка поймать. Они сели в вертолет и погнались вдогонку.

Котенок взмахнул волшебной палочкой и сказал:

– Хочу, чтобы у меня была мина.

Только сказал, как перед ним оказалась мина. Он взял эту мину, кинул в разбойничий вертолет и разбомбил их. Они упали прямо в море. А Котенок ушел к себе домой. Мама с папой, сестры и братья обрадовались.

И они справили праздник возвращения котенка.

И они стали жить-поживать, да добра наживать.

Больше ни один разбойник им не помешал.

Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец.

– Молодец, Котенок, – закричал Тоби. – Так их. Будут знать, как обижать маленьких.

– Но они не утонули? – тихо спросила Заинька, – Ведь они перевоспитались, да?

Таки задумался. На помощь ему пришел Кося:

– Конечно, перевоспитались, Заинька. – Они стали добрыми разбойниками. Правда, Таки?

– Э-э? Да!

– Почитай нам еще что-нибудь про Котенка. Пожалуйста.

– Да, да! Почитай еще, – закричали все.

Гаги от нетерпения захлопал крыльями.

– Пожалуйста, – согласился Таки и продолжил.

Концерт

Жил был Котенок.

Этим днем Котенок сидел и слушал музыку. Ему было скучно.

Тогда Котенок стал думать, что бы ему сделать. И вдруг ему в голову пришла одна мысль. Эта мысль была такая: как бы сделать ловушку.

Котенок взял два ведра, колеса, канат, две гири, бинты и, наконец, железки и магниты. Канат привязал к железке, по бокам прицепил магниты. Сверху приколотил колесо, канат протянул через колесо. Еще одно колесо и еще одно колесо приколотил выше, перекинул канат через эти колеса. После того он на концы каната привязал ведро и гири. Обмотал бинтами. Все это Котенок подтянул за канат и приподнял.

Как раз в это время к ним пришел в гости знакомый Кот. Кот только зашел в комнату, как на него свалилось ведро, сверху еще одно ведро. Потом упали две гири, прищемили ведро на голове Кота. Потом накинудись на Кота бинты и сбили его с ног.

Кот еле-еле распутался.

Котенка за это мама наказала, но в угол не поставила. Котенку велели сесть на диван и вести себя тихо. Котенок включил музыку.

А в это время мама и папа разговаривали с Котом.

Котенку еще чего-нибудь захотелось сделать, и он стал думать.

Вдруг котенку пришла в голову мысль, как устроить концерт. Сказано—сделано. Он позвал всех своих братьев и сестер. Одному брату, которому было три года, Котенок велел продавать билеты. Для этого Котенок взял бумагу, карандаш, ножницы и сделал билеты. После того он взял табуретку и поставил ее около двери зала. Взял сумочку, положил туда билеты, и брат, которому три года, пошел занимать место «продавателя» билетов. После того Котенок со своими братьями и сестрами стали репетировать песни, стихи, танцы.

Котенок взял старые мячи и своему самому старшему брату сказал, чтобы он научился бросать и ловить мячи.

Они репетировали и позвали маму, папу и Кота. Посадили на сиденья. Котенок вышел и объявил:

— Начинается концерт, который называется «Золотые ворота».

Первым выходит фокусник. Встречайте!

Все захлопали. Потом выступали дрессировщики, певцы, танцоры, читатели стихов. Было весело. Концерт прошел удачно. И даже Кот был доволен и уже не сердился и не шипел на Котенка.

Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец.

Таки дочитал последний листок. Все дружно захлопали, выражая свой восторг. В комнату заглянула мама и улыбнулась.

— Дети, уже вечер. Пора по домам, — сказала она.

— А ты придумашь еще про Котенка? — спросила Зайнышка.

— Придумаю, — ответил Таки. — Приходите на следующей неделе, во вторник, узнаете много нового о приключениях Котенка.

(Сказки про Котенка придумал Гриша Гусев, 5 лет)

Таки пишет стихи

Таки стоял у раскрытого окна и сочинял стихи:

Как хорошо на улице

Везде цветы и ...

Таки задумался: не просто подобрать рифму к «це».

– Улице–мурице. Нет, не то. Курице... – Таки грыз кончик карандаша. Это ему помогало думать. – Курице, курицу, курица, курицы. – Бормотал он. – Ура! Курицы!

Как хорошо на улице,

Везде цветы и курицы.

– Ну вот, по–моему, неплохо. – Таки был очень скромным поросенком. Другой бы на его месте выбежал на улицу и всем встречным читал бы свое стихотворение. Другой бы, но не Таки. Он просто выглянул в окно. И с нежностью посмотрел на большую круглую клумбу под окном. На ней росли белые, желтые, синие, розовые цветы.

– Так, с цветами все в порядке, – подумал Таки. – А вот курицы... – Он внимательно оглядел двор. – Куриц нет. – Это очень огорчило Таки. – Что же делать? – размышлял он. – Мама всегда говорила, что сочинять надо правду. Как хорошо на улице – это правда. Везде цветы – это тоже правда. А про куриц – уже не правда. Как я могу сочинять «и курицы», если куриц нет! Если я напишу «и куриць», я обману. А я не хочу обманывать.

Таки бросил карандаш на подоконник. Он так рассердился на себя, что тут же решил разорвать листок со стихами. Призвав все свое мужество, Таки закрыл глаза и...

– Привет, Таки! Как дела? – У окна остановился гусенок Гаги. – Эй, Таки, что с тобой?

– Привет, Гаги. – Таки и с закрытыми глазами узнал голос своего друга. – Я рву свое творение, – чуть не плача, сказал он.

– Что-что? – удивился Гаги.

– Ну, творение, – открыв глаза, пояснил Таки.

– А что это такое – тарение? – спросил Гаги.

– Да не тарение, а творение! Это то, что я сделал.

– Где сделал? Что сделал?

– Вот, – коротко бросил Таки и показал Гаги листок.

– Что, вот? – снова не понял Гаги.

– Стихи, – горестно сказал Таки.

– Стихи?! Вот здорово! – воскликнул Гаги и подпрыгнул на месте, выражая свой восторг.

– Нет, Гаги. – уныло продолжал Таки. – Они не настоящие.

– А какие?

– Ну, не вправдашние. Вот, послушай! – Таки прикрыл глаза и начал нараспев:

Как хорошо на улице,

Везде цветы и ...

Таки запнулся.

– «Курицы», – упавшим голосом закончил он.

– Вот здорово, – воскликнул Гаги. – Ты поэт, Таки.

– Ну, что ты, – смутился Таки.

– Ты поэт, – снова воскликнул Гаги. – Это настоящие стихи.

Услышав слово «настоящие», Таки снова сник.

– Знаешь, Гаги, – сказал он, – стихи не настоящие. Вот посмотри. На улице хорошо?

– Хорошо!

– Везде цветы?

– Цветы!

– А куриц – нет, – вздохнул Таки.

– Как – нет? – не понял Гаги.

– Да, вот нет и все тут.

– Вот так дела! – огорчился за друга Гаги. – А если их нет, значит ...

– Значит, стихи не настоящие, – закончил Таки.

Они помолчали. Им стало грустно. Таки сидел на подоконнике и просто так чиркал карандашом по бумаге. А Гаги стоял под окном и, опустив голову, тоже просто так водил по земле ногой.

– Ура! – вдруг закричал Гаги.

От неожиданности Таки вздрогнул и уронил карандаш.

– Слушай, Таки! Я придумал, – ликовал Гаги. Крича, он высоко подпрыгивал и махал крыльями. Ему так хотелось обнять своего друга поросенка Таки. Но Гаги был еще мал. В его возрасте гусята не могут взлететь выше скамейки во дворе. А Таки сидел на подоконнике.

– Что ты придумал, Гаги? – с надеждой спросил Таки.

– Если нет куриц, сочини кого-нибудь другого, – пояснил Гаги.

– Кого?

– Ну, например ... – Гаги оглянулся вокруг. Во дворе по-прежнему никого не было. – Про меня, – выпалил он и замер, глядя на Таки.

– Что ж, я попробую, – подумав, сказал Таки.

Он прикрыл глаза и дрожащим от волнения голосом начал:

Как хорошо на улице,

Везде цветы и Гаги.

– Нет, нет, – замотал он головой, – это не в рифму.

– Не в чего? – удивился Гаги.

– Ну, не складно, – сказал Таки. – «Улице–курицы». А у нас получилось: «улице–Гаги».

– Да, – согласился Гаги, – нескладно. Но ты подумай еще эту самую рифму. Про меня.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул Таки.

Он вскинул голову и, закрыв глаза, начал думать. Иногда он что-то бормотал, но что именно, Гаги не мог разобрать. Так прошла минута, другая, и пять минут, и десять. Гаги уже начал сомневаться, что Таки

найдет к нему рифму. Как вдруг Таки бросил карандаш и торжественно прокричал:

Как хорошо на улице
Везде цветы. Нет курицы
И к поросенку Таки
Пришел гусенок Гаги.

– Ух, ты! – ахнул Гаги, – Ура, Таки! Ты настоящий друг. То есть, я хотел сказать, ты настоящий поэт. И друг тоже, – добавил сияющий Гаги. – Здорово ты ко мне себя рифмой придумал. – Давай этот стих выучим и всем расскажем, – предложил Гаги.

– Молодец, Гаги. Это ты хорошо придумал, – похвалил Таки.

А потом они сидели у Таки, пили чай с вареньем. И наперебой рассказывали друг другу и Такиной маме свой замечательный стишок.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАСКАЗ

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы бытовые	
Несостоявшийся рассказ.....	4
Весна.....	7
Щенок.....	9
Еще один день.....	11
Кукушонок.....	14
Соперница.....	16
Театральные билеты.....	19
Женское счастье.....	23
Рассказы мистические	
Если бы тебя не было.....	28
Сноведение.....	30
Метаморфоза.....	32
Подарок.....	35
Очарованные сны.....	38
Мужегон.....	43
Липочка.....	48
Рассказы для детей	
из книги «Таки и его друзья»	
День отъезда.....	53
Соора.....	54
Родословная.....	55
Таки рассказывает сказки.....	57
Котенок и его приключения.....	58
Концерт.....	60
Таки пишет стихи.....	61

Гусева Марина Викторовна. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАСКАЗ:
[рассказы для взрослых и детей]. Объем 64 стр.
Вологда-Кадуй. «Свеча» 2004.
Иллюстрации Надежды Черкасовой.
Тираж 100 экз.